

Свен Гедин и П.К.Козлов
Архив Музея-квартиры П.К.Козлова

РУССКИЕ ПИСЬМА ИЗ АРХИВА СВЕНА ГЕДИНА В СТОКГОЛЬМЕ

А.И.Андреев

С Россией знаменитого исследователя Центральной Азии Свена Гедина (1865-1952) долгие годы связывали узы дружбы и научного сотрудничества. Его первые две большие экспедиции 1894-1897 и 1899-1902 гг., принесшие ему мировую славу, были осуществлены, как известно, с территории русской Средней Азии при энергичной поддержке царского правительства. Так, Николай II, проявлявший большой интерес к путешествиям шведа, распорядился в апреле 1899 г. прикомандировать к его отряду в качестве конвоя 4-х казаков, двое из которых — Сыркин и Шагдуров — поднялись вместе с Гедином на неприступное тибетское нагорье и прошли по нему почти до самой Лхасы.

В предисловии к русскому изданию своей книги о первой из этих экспедиций «В сердце Азии» Гедин писал: «Перебирая в памяти отдельные события и пункты своего путешествия, я не могу припомнить ни одного города, ни одного местечка в пределах Европейской и Азиатской России, где меня не встречали бы как друга, не оказали бы мне всевозможного содействия для облегчения моих трудов и достижения моих целей» [1]. С благодарностью он называл имена тех, кто помогал ему «словом и делом» в его многотрудном предприятии, — «административных деятелей» в Петербурге и Туркестанском крае — гр. М.Н.Муравьева (министра иностранных дел), П.С.Ванновского (военного министра), Н.П.Шишкина (статс-секретаря), бар. А.Б.Вревского (Туркестанского генерал-губернатора), А.Н.Повало-Швейковского (губернатора Ферганы), военных и ученых, членов РГО — генералов А.А.Тилло и О.Э. фон Штубендорфа, П.П.Семенова-Тян-Шанского, бар. Ф.Р. фон дер Остен-Сакена, А.В.Григорьева, проф. И.В.Мушкетова, академиков Ф.Н.Чернышева, В.В.Радлова и О.А.Баклунда. Особо Свен Гедин отмечал своих коллег, русских путешественников — исследователей Центральной Азии, с которыми познакомился в Петербурге незадолго до начала экспедиции — ген. М.В.Певцова, В.И.Роборовского, П.К.Козлова и К.И.Богдановича. С большой теплотой он отзывался также о русском консуле в Кашгаре и одновременно ученом Н.Ф.Петровском, которого называет своим «вторым отцом», — «Благодаря консулу Петровскому я обогатился такими научными и общими сведениями, какие едва ли приобрел бы из других источников» [2]. Свое

предисловие Гедин закончил весьма многозначительными словами: «Я же лично считаю самым драгоценным приобретением, вынесенным мною из моего путешествия, — множество дружеских связей, заключенных мною в России среди всех классов общества, и близкое знакомство с таким полным жизненных сил, гуманным, гостеприимным и симпатичным народом, как русский» [3].

Впервые Свен Гедин побывал в России в 1885 г. В течение восьми месяцев он находился в Баку — в то время русском городе — в качестве гувернера у шведского инженера Сандгрена, работавшего на нефтяных промыслах Э.Нобеля. Оттуда в том же году он отправился в свое первое азиатское путешествие в Персию. Через 5 лет — осенью 1890 — Свен Гедин снова в России. По окончании поездки в Тегеран в качестве переводчика дипломатической миссии, отправленной к персидскому шаху шведским королем Оскаром II, он перебирается в соседнее с шахскими владениями Туркестанское генерал-губернаторство, намереваясь совершить оттуда поездку в Кашгар в Западном Китае. В Ашхабаде в октябре 1890 г. он знакомится с А.Н.Куропаткиным — будущим военным министром, в ту пору начальником Закаспийской области и командующим расположенными в ней войсками. Русский генерал, слышавший большим знатоком Кашгарии, — в 1876-77 гг. ему довелось побывать там во главе посольства к Якуб-беку, правителю страны Йеттишар (Семиградье) [4], — радушно принимает шведского путешественника и сообщает ему много полезных сведений о путях, ведущих через Памир в Кашгарию, в частности, об опасном перевале Терек-даван. (Об этой встрече Гедин много лет спустя расскажет в очерке, посвященном своему большому русскому другу генералу Куропаткину [5]). Снабженный этой ценной информацией, Гедин выступает в путь и 14 декабря благополучно прибывает в Кашгар. Здесь его ждала встреча с консулом Петровским, впоследствии оказавшим ему столько неоценимых услуг.

Осенью 1892 г. Свен Гедин приезжает в Петербург, где по просьбе Географического общества делает доклад о восхождении на гору Демавенд и исследовании пустыни Дешт-и-Кевир в Хорасане — главных достижениях своего путешествия по Персии. Сообщение Гедина получило высокую оценку русских ученых — 18 декабря Совет РГО на своем заседании принял решение присудить шведскому исследователю серебряную медаль, а вскоре за тем, 12 февраля 1893 г., Общество избрало его своим действительным членом. В 1897 году Гедин получил еще одну награду — большую золотую медаль РГО имени П.П.Семенова-Тян-Шанского за свое первое путешествие в Тибет.

В дальнейшем Свен Гедин продолжал активно сотрудничать с РГО — посещая Петербург, он неоднократно выступал в стенах Общества (неизменно по-русски!) с рассказами о своих новых путешествиях, знакомил его членов с изданиями своих трудов в Швеции. РГО, со своей стороны, посылало Гедину свои публикации и интересующие его книги русских путешественников. (Отметим мимоходом, что «русская библиотека» Свена Гедина занимает целый шкаф в Этнографическом музее в Стокгольме).

С начала 1900-х годов имя Свена Гедина становится широко известным в России, чему в немалой степени способствовало издание на русском языке двух его книг — уже упоминавшейся «В сердце Азии» (1899) и «Тарим-

Лобнор-Тибет» (1904). С их помощью русский читатель открывал для себя неведомые земли в центре бескрайнего азиатского материка и узнавал много любопытного о населяющих их народах. В то же время, русские искренне восхищались самим путешественником — его мужеством, энергией и волей, но и Свен Гедин платил им взаимностью, не скрывая своих симпатий к России. Его русофильские настроения этих лет отчетливо проявились в 1904 г. в связи с военной экспедицией в Тибет Ф.Янгхазбенда, получившей широкий междунаро́дный резонанс. 18 июня берлинский еженедельник «Ди Вохе» опубликовал заметку Свена Гедина, озаглавленную «Английское наступление на Тибет», в которой «русская опасность» — истинная причина, побудившая вице-короля Индии лорда Керзона отправить эту экспедицию в соседнюю страну, — была названа «чистым вымыслом» [6]. В том же году Гедин направил Керзону письмо, где, в частности, писал: «Исходя из полуторачасового разговора, который я имел в Петергофе с царем в июне 1902 г., я не верю, что Россия, даже перед Японской войной, имела какие-либо притязания на Тибет, и после того, как я несколько раз пересек северный и центральный Тибет, я могу с совершенной уверенностью сказать, что абсолютно невозможно для какой бы то ни было армии в мире вторгнуться в Тибет с севера» [7].

Дружеские связи Свена Гедина с Россией неожиданно прервались в 1912 г. после скандала, вызванного публикацией его брошюры «Слово предостережения» (*Ett varningsord*). В ней Гедин, в предвидении будущей неминуемой европейской войны, указывал своим соотечественникам на ту угрозу, которую представляет для них Россия, стремящаяся уже на протяжении 200 лет «пробиться» к мировому (Атлантическому) океану. Свою точку зрения он подкреплял хорошо известными историческими фактами — борьбой Петра I со шведами на Балтике и «отрывом» Финляндии от Швеции в 1809 г. Появление этой брошюры, естественно, вызвало бурю негодования в России [8] и оттолкнуло от Гедина многих его старых друзей, которые, как истинные патриоты своей родины, сочли себя глубоко оскорбленными. Совет РГО в заседании от 5 марта 1912 г., сочтя брошюру «преисполненной лжи и инсинуаций против России», единогласно постановил «признать действия действ. члена Общества Свена Гедина в высокой степени неблагоприятными» [9]. Но этим дело не кончилось. Три года спустя, в разгар мировой войны, Географическое общество на своем годовом общем собрании 11 марта 1915 года постановило исключить шведского ученого из числа своих членов: «Ввиду выяснившейся неблагоприятной и преступной деятельности Свена Гедина по отношению к России и, в частности, к ИРГО» [10].

Впрочем, 11 лет спустя Гедин восстановил свои связи с Россией, теперь уже Советской республикой. Возвращаясь на родину из лекционного турне по Америке через Японию, Китай, Монголию и СССР, он в декабре 1923 г. провел неделю в Москве и 2 дня в Петрограде. В обеих «красных» столицах его восторженно встречали как «друга Советской России» — уже в день приезда Гедина принял Г.В.Чичерин, а еще через несколько дней его удостоил дружеской беседы А.В.Луначарский. Но особенно тепло шведского гостя принимали советские научные организации. Так, Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения (ВНАВ), где Свен Гедин 13 декабря прочитал

доклад «Путешествия через пустыни Центральной Азии», избрала его своим действительным почетным членом. Объявивший об этом проф. И.Н.Бороздин просил Гедина не отказать в своем участии в работе Ассоциации и в осуществлении ее научных экспедиций на Восток. Такое необыкновенное внимание советских официальных кругов к шведскому путешественнику и ученому объяснялось тем, что Гедин в начале 1920-х открыто призывал западные державы признать советское государство и, в частности, выступал за признание СССР Швецией. Большевистские вожди проявляли также большой интерес к планам его новой экспедиции в Тибет, куда он намеревался отправиться зимой 1924 г. На банкете, устроенном в его честь в Доме ученых, Чичерин заявил: «Д-р Свен Гедин особенно дорог Советской России, ибо он открывал новые области Азии, где лежат некоторые из величайших задач наших исторических судеб. ...На д-ре Свене Гедине мы видим, как величайшие достижения науки тесно переплетаются с принципами Советской власти. Проехав по Сибири, доктор Свен Гедин мог лично убедиться, какую новую великую историческую эру открыла Советская Россия своей политикой на Востоке». В ответном слове Гедин заверил своих советских друзей: «Вернувшись домой, я буду говорить о всем том, что видел в Советской России. Я буду работать в Швеции по созданию тесной связи между русскими и шведскими учеными. Мне особенно радостно видеть, что шторм политических событий не остановил хода ученых работ в России. Новая Россия — это совсем не старая Россия. Здесь я себя чувствую, как дома» [11]. Гедин, несомненно, был польщен оказанным ему приемом и не скупился на комплименты в адрес «новой России» — тем более, что он рассчитывал на ее содействие в его будущей экспедиции, — советскую Бурятию он называет «русским Клондайком и Аляской» [12], а английская газета «Дейли Кроникл», например, процитировала такие его слова: «Россия это страна будущего, с богатыми возможностями, гораздо большими возможностями, чем Америка. В настоящее время Китай и Россия самые интересные страны в мире» [13]. О своих впечатлениях от поездки, правда, уже более сдержанно и деловито, Гедин рассказал в книге «От Пекина до Москвы», опубликованной в Стокгольме в 1924 г.

Возобновившиеся научные связи Свена Гедина с Россией — главным образом, по линии ВНАВ и РАН (Российской Академии наук) — существовали, однако, не долго. В 1927 г. началась его новая и последняя Китайско-Шведская экспедиция, продолжавшаяся почти 9 лет. В 1935 г. Гедин, возвращаясь из Китая в Швецию, в последний раз побывал в Советском Союзе. Но теперь он уже не был желанным гостем большевиков и его короткое пребывание в Москве осталось не замеченным советской прессой. А между тем, еще в 1925 г. Луначарский поздравлял Гедина с 60-летием. В отправленной ему по этому случаю телеграмме он называл прожитую путешественником жизнь «одной из самых энергичных и полезных жизней, которые знала наша эпоха». В ответной телеграмме Гедин благодарил Луначарского и советское правительство и выражал наилучшие пожелания «симпатичному народу России» [14]. Во 2-ой половине 20-х в СССР одна за другой выходят из печати новые книги Свена Гедина в переводе или вольном пересказе — «На

краю гибели» (М., 1925; 2-ое издание в 1926), «К Северному полюсу. От экспедиции Франклина до полета Амундсена» (Л., 1926), «От полюса до полюса» (Л., 1927), «Восьмое чудо света. Большой каньон» (М.-Л., 1928), «Моя жизнь в путешествиях» (М., 1930; с предисловием проф. И.Н.Бороздина), Е.Р.Руссат «Ветер пустыни. (Путешествия Свена Гедина)» (Л., 1930). Формально отношение к Гедину советских властей было вполне благожелательным, хотя уже в книге Руссат шведскому путешественнику, например, давалась такая характеристика: «Представляет ли для нас Свен Гедин достаточный интерес, чтобы оправдать появление в свет этой книги о нем? Бесспорно, да. Вскрывая и осуждая его общественно-политическое лицо, мы в то же время должны многому поучиться у Свена Гедина. Он является *талантливым туристом-исследователем* (курсив — А.А.), блестяще совмещающим ненасытную страсть к путешествиям с научно-исследовательскими заданиями. Путешествия Свена Гедина — это своеобразная школа туристов, и потому они должны стать известны в Советском Союзе, где рабочий туризм превратился в массовое движение, поднялся на исследовательскую высоту» [15]. (Любопытный факт — во время пребывания Гедина в Москве в 1923 г. Правление Российского Общества Туристов, основанного еще в 1895 г., обратилось к нему с просьбой дать свое согласие на вступление в члены Общества).

Контакты Свена Гедина с Советской Россией полностью прерываются после его возвращения из Китая в 1935 г. Причиной тому, очевидно, послужило германофильство шведа — во 2-ой половине 30-х Гедин многократно посещал Берлин, где встречался и дружески беседовал с вождями Третьего Рейха — А.Гитлером, Г.Герингом, И.Риббентропом и др., что не могло не вызвать раздражения у Москвы. Но и сам шведский путешественник, выступавший в эти годы в роли закулисного дипломата, уже более не испытывал симпатий к «новой России» — известно, что весной 1940 г. он пытался побудить Гитлера оказать помощь Финляндии, ставшей жертвой советской агрессии.

В Государственном Архиве (Riksarkivet) в Стокгольме в личном фонде Свена Гедина сохранилось довольно большое количество русских писем (говоря так, мы имеем в виду письма русских друзей и коллег Гедина, хотя и написанные чаще всего на иностранных языках — по-немецки или по-английски). Хронологически они охватывают 5 десятилетий — с начала 1890-х до начала 1940-х. Среди корреспондентов Гедина немало известных имен — Николай II, бар. Ф.Остен-Сакен, А.Н.Куропаткин, кн. Э.Э.Ухтомский, П.К.Козлов, В.А.Обручев, А.В.Луначарский, А.М.Коллонтай, К.Д.Бальмонт, В.Л.Котвич, В.В.Голубев, Н.К. и Ю.Н.Рерихи, Л.С.Багров и др. К сожалению, в фонде не удалось обнаружить писем таких ученых, как Ф.Р.Розен, Л.Я.Штернберг, В.В.Радлов, А.А.Достоевский, О.А.Баклунд, с которыми Гедин на протяжении многих лет состоял в дружеской переписке. (В архиве РАН в Петербурге имеются собственные письма Гедина к этим ученым). Вообще же, надо заметить, что значительная часть русских писем довольно малоинформативна — это, в основном, письма поздравительные, благодарственные, уведомляющие о посылке или получении книг и научных

публикаций, и т.п. Так, среди них, например, обнаружено короткое послание на французском языке Николая II к шведскому королю Оскару II по случаю возвращения Гедина из его второй экспедиции в Тибет в 1902 г.: «Я очень тронут любезной телеграммой Вашего Величества. Доктор Хедин является выдающимся и бесстрашным исследователем. У него много друзей в России. Я буду продолжать оказывать ему всевозможные услуги в его будущих путешествиях».

Для настоящей публикации мы отобрали наиболее интересные с научной точки зрения письма к Свену Гедину следующих лиц: О.Э. фон Штубендорфа, кн. Э.Э.Ухтомского, П.К.Козлова, В.А.Обручева, В.Л.Котвича, К.Д.Бальмонта, Ю.Н.Рериха и Б.Н.Уланова. Особенно любопытны письма В.А.Обручева, из которых мы узнаем, например, что в конце 1921 г. Свен Гедин строил планы новой тибетской экспедиции, в которую предполагал отправиться с советской территории, из Ташкента, в чем ему вызвался помочь бедствовавший в ту пору в России знаменитый ученый-геолог. Перевод текстов писем с немецкого и английского языков выполнен В.Д.Масленниковой и автором настоящей публикации.

В заключение считаю своим долгом выразить благодарность куратору Отдела Азии Этнографического музея в Стокгольме и хранителю Фонда Свена Гедина г-ну Хокану Вальквисту и профессору Стокгольмского университета, секретарю Фонда Свена Гедина г-ну Стаффану Розену за организацию моей исследовательской поездки в Швецию в 1994 г. для ознакомления с русскими материалами Гединовского фонда. Мне также хотелось бы поблагодарить В.Д.Масленникова за проделанную ею кропотливую работу по расшифровке крайне трудночитаемых писем О.Э. фон Штубендорфа.

Примечания

1. Свен Гедин. В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан. Т.1. СПб, 1899. С.IV.
2. Там же. С.V.
3. Там же. С.VIII.
4. Об этом посольстве А.Н.Куропаткин рассказал в своей книге «Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военной силы, промышленности и торговли». СПб, 1879.
5. См. Kurapatkin. Personliche Erinnerung von Sven Hedin. Die Woche. (Berlin). 1904. 17 September.
6. Hedin S. Der Englische Angriff auf Tibet. Die Woche. (Berlin). 1904. 18 Juni.
7. Riksarkivet, Stockholm. Фонд С.Гедина, черновик письма Свена Гедина лорду Керзону, б/д.
8. См. заметку А.Столыпина «420000 книг клеветы на Россию». Новое Время, 27 февраля/1 марта 1912, № 12907, и статью А.П.Семенова-Тян-Шанского — ответ на письмо Свена Гедина — в Новом Времени от 11 июня 1912; а также публикацию: «Брошюра Свена Гедина «Слово предостережения» и полемика, вызванная ею в Швеции» (СПб, 1912).
9. Архив РГО. Ф.1 (1899), оп.1, д.16, л.90.
10. Известия ИРГО. 1915. Т.LI. Вып.8. С.3,11.

11. Известия. 1923. 15 декабря. № 287.
12. Известия. 1923. 11 декабря. № 283.
13. Daily Chronicle (London), 1923, 20 December; также: Liverpool Evening Express, 1923, 19 December.
14. Riksarkivet, Stockholm. Фонд С.Гедина, текст телеграммы А.В.Луначарского (по-французски) и ответ на нее Свена Гедина (также на французском языке).
15. Руссат Е. Ветер пустыни. Л., 1930. С.8.

ПИСЬМА

1.

О.Э. фон Штубендорф [1] — С.Гедину

10 августа 1910.
Ревель, Вилла Бель-вю

Глубокоуважаемый герр,

После многодневных странствий дорогие строки Вашего письма от 3 августа наконец-то дошли до Ревеля, где я провожу это лето.

В связи с моим отъездом из Петербурга, мой ответ является не только запоздалым, но также и поверхностным, поскольку я не имею под рукой карты Рената [2] вместе с описанием к ней, на которые я должен был бы опираться.

Могу Вам сообщить, однако, что генерал Макшеев, который занимался русским изданием карты [3], упоминает обо мне лишь по той причине, что я был начальником картографического отдела в Главном Штабе, где эту карту отпечатали литографическим способом.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что Ренат видел своими глазами большую часть территории, изображенной им на карте, но едва ли можно говорить о возможности его проникновения вплоть до Лоп-нора.

Знал ли Пржевальский о карте Рената, нам сегодня неизвестно, но можно с уверенностью утверждать, что все показанное на карте за пределами Джунгарии представляет для наших географов и путешественников относительно небольшой интерес.

Что касается Вашего столь лестного для меня <предложения> прислать мне последний труд Ваш в немецком переводе [4], то я не в праве рассчитывать на такой подарок и потому оставляю решение за Вами.

С глубоким почтением, преданный Вам,

О.Штубендорф

2.

О.Э. фон Штубендорф — С.Гедину

18/31 августа 1910.
Ревель, Бель-вью

Глубокоуважаемый герр,

Покорнейше благодарю Вас за сделанный мне великолепный подарок. Как живо напоминает он мне о том незабываемом вечере у шведского посланника, генерала Брандстрема, 29 декабря 1908/11 января 1909, когда Вы после ужина, <подойдя к> настенной карте, широкими и сильными жестами схематично обрисовали нам Ваше последнее путешествие. И вот, не прошло с тех пор и полутора лет, как содержание этого путешествия облеклось в форму великолепного труда, вызывающего подлинное восхищение [5]. С текстом Вашей книги я буду знакомиться постепенно, но, являясь заядлым картографом, я не устоял перед тем, чтобы тут же не приняться за изучение Ваших карт, дабы порадоваться тому приросту в нашем географическом познании об Азии, которым мы обязаны Вам.

В заключение позволю себе небольшое отступление — цитату из вдохновляющего меня прекрасного стихотворения Шиллера «Идеалы». Вот как будет звучать конец стихотворения, применительно к Вашей деятельности, в географической перифразе:

Дух исследования, никогда не дающий
ослабеть нашей жажде знаний,
хотя в изучении нашего земного шара
он приносит лишь песчинку за песчинкой,
все же в Царстве «Непознанного»
он стирает горы, моря и реки [6].

С глубоким почтением, преданный Вам,

О.Ф.Штубендорф

3.

О.Э. фон Штубендорф — С.Гедину

8/21 декабря 1910

Глубокоуважаемый герр,

Мои письма всегда начинаются с благодарностей, к которым меня всякий раз обязывает Ваша чрезвычайная любезность. На сей раз это

двухтомный труд о Персии под названием «Наземным путем в Индию» [7], которым Вы меня осчастливили и за посылку которого через издательство Брокгауза я Вам весьма признателен.

Я рад был узнать из Вашего дорогого письма от 26 ноября, что мне наконец-то представилась возможность оказать Вам ответную, хотя и незначительную услугу.

Сразу после получения Вашего письма я отправился к секретарю Географического Общества господину Достоевскому [8] и попросил его, следуя Вашим указаниям, послать Вам необходимые книги и карты. Так все и было сделано, но не через Ваше посольство, а прямо на Ваше имя, и не за плату, а безвозмездно, поскольку Вы являетесь членом нашего Географического Общества [9].

Достоевский прислал мне список того, что, надеюсь, уже было Вам отправлено отсюда. В списке следующие публикации:

1. «Монголия и Кам» Козлова (7 книг).

Описание предпоследней экспедиции Козлова [10].

2. Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии под начальством В.И.Роборовского (1893-1895); 5 книг и пакет с картами [11].

3. Записка о монгольских кочевьях, перевод с китайского Попова (Мян-гу-ю-му-цзи) [12].

4. «Кашгария» — Куропаткина [13].

5. Записки ИРГО по отделу этнографии. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая Русского посланника Спафария в 1675 году [14].

6. Карта путешествий Б.Л.Громбчевского в Дарвазе, на Памире, в Джиты-Шааре, в Канджуте, в Раскеме и в Северо-Западном Тибете в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах. 4 листа, масштаб 20 верст в дюйме [15].

Надеюсь, что эта карта вызовет у Вас большой интерес. Она была составлена и отпечатана в Ташкенте (так как Громбчевский, находясь в ранге капитана, в то время был в составе административного персонала Туркестана), и это, пожалуй, единственное, что Вам может предложить Топографическая служба.*

К сожалению, описание к карте до сих пор не найдено, и потому ее надо принимать в том виде, как она есть.

В заключение несколько слов о карте Рената. Я впервые узнал из Вашего письма от 3 августа, что недавно в Упсале был найден оригинал

* Эта карта частично использовалась Хассенштейном при работе над «Картой Таримского бассейна и горной системы Кунь-Лунь», 1:1000000, также составленной на основе Ваших исследований.

карты на монгольском языке. В 1879 году господин Стриндсберг обнаружил в Линчепинге ее копию, выполненную Бенцельштерном в 1738 году. Стоит бросить лишь беглый взгляд на карту, чтобы убедиться в том, что Ренат как очевидец мог изобразить на карте лишь ограниченный участок реки Или и Иссык-куля. Все остальное показано на ней в высшей степени поверхностно и по большей части не соответствует действительности. Не составляет исключения и Лоп-нор, и если Пржевальский даже и видел карту Рената (что вполне вероятно), то она не могла служить ему путеводителем по этой части Азии.

С глубоким почтением и сердечным приветом.
Преданный Вам,

О.Ф.Штубендорф

4.

О.Э. фон Штубендорф — С.Гедину

18/31 января 1911.

С.Петербург, Николаевская, 75

Глубокоуважаемый герр,

Из двух произведений, упомянутых в Вашем дорогом письме, в нашем Географическом обществе удалось обнаружить только описание путешествия Ефремова, озаглавленное: «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне Коллежского Ассесора десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию; писанное им самим, в Санкт-Петербурге, 1786 года» [16].

Оно относится к редким библиографическим ценностям, которые не выдаются из библиотеки, и здесь, при всем желании, я не могу пойти Вам навстречу и прислать его Вам. Жаль, что это небольшое произведение совершенно забыто, и я Вам крайне признателен, что Вы заставили меня обратить на него внимание.

К сожалению, эта книга рассказывает по большей части о жизни и обычаях народов, впрочем, в путешественнике угадывается очень внимательный наблюдатель. Описание самого пути крайне поверхностно. Названия мест начинают упоминаться только после Кашмира; до этого они столь редки, что дорога прослеживается лишь в самых общих чертах.

После восьмилетнего пленения Ефремову удастся бежать [17]. Через Коканд, Маргелан и Ош он пробирается в Кашгар и Яркенд, где проводит целый месяц. Оттуда с купцами идет в Теват, или Тибет. Дорога туда лежит по косогорью между горами, в середине которых протекает река Атак. Поселений вдоль дороги нет. На расстоянии 15 дней от Тевата надо перейти через очень высокую гору, на которой «воздух очень тяжелый и всегдашний туман, человеку и лошадям захватывает дух, отчего и умирают». Чтобы добраться из Яркенда до земли Теват, или Тибет, что в стране «Лата или Латак», требуется 35 дней. Здесь под Теватом или Тибетом несомненно следует понимать Лех, откуда Ефремов после 25-дневного пребывания направляется в Кашмир.

При этом, однако, Ефремов словом Теват или Тибет называет всю страну, а области, в которой он находится, дает особое название «Цанг».

Из всего этого видно, что то, что Вас более всего интересует, Ефремов обходит молчанием: он не называет ни перевала Каракорум, не говорит он и о том, каким путем — западным или восточным — он пошел после того, как «высокая гора» (скорее всего имеется в виду перевал Каракорум) осталась позади.

В рассказе о своем долгом путешествии Ефремов дает описание земли Теват или Тибет (очень кратко) и ее населения (подробно) [18].

Приведу содержание главы о Тибете: 1. Описание Тевата или Тибета (из имен собственных в этой главе встречаются лишь названия различных провинций и соседних земель). 2. Горы (очень кратко. Он называет здесь лишь две горы: Лангур* и самую высокую — Камбалу). 3. Животный мир. 4. Полезные ископаемые. 5. Народ и его религия. 6. Крещение. 7. Бракосочетание. 8. Погребение. 9. Вера. 10. Великая Священница (столь же святая, как и Далай Лама, живет на одном из островов озера Полте или Ямдро и Ямизо).**

Если какой-либо из этих пунктов особенно интересует Вас, я буду рад послать Вам русскую копию (нужного текста) или перевод на немецкий.

После того как Ефремов покидает Кашмир,*** он проезжает через многие населенные пункты, из которых я назову лишь Дели, Лакхнау, Бенарес и Калькутту.

Во время морского путешествия по Индийскому Океану, продолжавшегося 2 месяца и 6 дней, он проходит вблизи африканских островов, оттуда через 19 дней он добирается до острова св.Елены, и наконец, еще

* Нельзя ли в этом названии узнать Гурла-Мандетте?

** То есть Ямдок-цо (Палти)

*** Следовательно, и город Шринагар

через 1 месяц и 19 дней Ефремов достигает берегов Ирландии. Он высаживается в Кинзейл-Харб,* а еще через день в Квинстауне.** После восьмичасовой поездки в дилижансе он прибывает в Корк, откуда отправляется в Дублин, Ливерпуль и Лондон и, в конце концов, в августе 1782 года прибывает в Петербург.

В заключение, как и Вы, скажу несколько слов о карте Рената. Даже если бы д-р Дальгрэн [19] и не обнаружил копии Бенцельштерна, все-таки с большой уверенностью можно утверждать, что Ренат не мог собственноручно составить привезенную им карту. Основу ее определенно составляют сведения, полученные им на месте, и лишь в отдельных деталях чувствуется его рука.

Весьма странно звучит утверждение Стриндсберга, что в области картографии Центральной Азии Ренат может считаться Вашим предшественником или (предшественником) Пржевальского. Это, что называется, «притянута за уши».

Вы, вероятно, обратили внимание на то, что генерал Макшеев в своих комментариях к карте Рената говорит, что в изображении реки Болун-суй (с.31) можно увидеть отголоски китайской легенды, согласно которой Лоп-нор служил источником Хуан-хе [20]. Подобное утверждение Макшеева, конечно же, является заблуждением, ибо совершенно недопустимо давать объяснение карте, опираясь на географические легенды.

Карта скорее указывает на то, что <река> Болун-Суй, по китайским сведениям, текущая с востока, и в названии которой с трудом угадывается река Булундвир, должна была впадать в Лоп-нор.

Мое письмо является настолько запоздалым, что если я, следуя Вашему примеру, пожелаю Вам в конце его счастья в новом году, то это будет звучать как анахронизм, и все же я делаю это от всего сердца.

С совершенным почтением остаюсь преданным Вам,

О.Ф.Штубендорф

5.

О.Э. фон Штубендорф — С.Гедину

20 февраля / 5 марта 1911

Глубокоуважаемый герр,

Несмотря на то, что Вы в своем последнем письме говорили, что уже потеряли всякую надежду найти описание путешествия Данибега, я

* У Ефремова по-русски Кислигивн

**У Ефремова по-русски Кенгисиль

придерживался другого мнения, и вот теперь я вижу, что мои старания увенчались успехом: в конце концов я нашел эту книжечку в нашей Публичной Библиотеке.

Затруднения в ее поиске возникли оттого, что ее искали среди французских сочинений, пока, наконец, директора библиотеки, действительного тайного советника Кобеко, не осенила догадка, что перевод с грузинского был сделан не на французский, а на русский язык, и она действительно отыскалась в русском отделе под названием «Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова, перевод с грузинского, Москва 1815» [21].

Господин Кобеко [22] (который, кстати говоря, мой ближайший сосед — мы с ним живем на одной и той же лестнице) очень рад, что смог оказать Вам услугу в отыскании <книги> Данибегова, ибо он живо вспоминает то время, когда познакомился с Вами в Кашгаре у нашего консула Петровского [23], и теперь, пользуясь случаем, он передает Вам привет.

Что касается Данибегова, то в его рассказе еще меньше подробностей, чем у Ефремова, а в описании народных обрядов и обычаев он не может с ним даже сравниться.

Однако пройденный им (Данибеговым) маршрут сам по себе очень интересен.

В 1795 году (когда Грузия была еще независимым государством) царь Ираклий отправил Данибегова в Мадрас, где он должен был передать купчую одному богатому армянину на пожалованную ему деревню, в качестве вознаграждения за его ежегодные подарки. Путь Данибегова проходит через Ахалцех*, Арзрум, Муш, Аргхану**, Фалу (Палу), Мертин (Мардин), Тикранакерт (совр. Диярбекир), Ниневию, или современный Муссол (Моссул), Вавилон, или современный Багдад, Басру, и затем, на корабле, он заходит в Маскат, Бомбей, Колумб (Коломбо), Манар в Бондочери или Кост-Мальвар (Пондишери); отсюда по суше в Тракбер (Транкебар) (т.е. опять назад), и, наконец, в Мадрас, называемый местными жителями Тинабатяном. Здесь он не застаёт армянина в живых и купчую вручает его сыну.

Чтобы лучше познакомиться со страной, Данибегов на обратном пути посещает Индокитай, для чего делает большой крюк. Он садится на корабль и плывет в Беку, или Ранхун (Рангун), но буря заставляет его

* Я сохраняю орфографию Данибегова, а там, где она сильно отличается от современной, я привожу последнюю дополнительно в скобках.

** Порядок, в котором перечислены 4 последних города, кажется ошибочным.

причалить в Мушли-Бандаре (возможно, это Масулипатам), и оттуда он достигает своей цели лишь после 15-дневного морского путешествия. Из Беки он отправляется в Колкаду (Калькутту), но на 18 день плавания его корабль терпит крушение, и он в лодке спасается от смерти вместе с еще тремя счастливыми. 19 дней лодку носит по волнам, пока, наконец, потерпевшим крушение не удастся пристать к берегу у устья реки Кикайя (вероятно, около Акьяба), где они находят спасение. Вместе с одним рыбаком Данибегов отправляется дальше и через 2 дня достигает Бахар-Канна (Бакаргандж) и, наконец, на английском судне прибывает в Калькутту. Путь Данибегова в Кашмир пролегает через следующие пункты: Серамपुर, Чичру (вероятно, Чандарнагар), Маршитабад, или Махсутабад, Мункир (Монгхир), Азимабад, или Фатону (вероятно, Патна), Банарис (Бенарес), Лакнакор (Лукноу), Камбер (Канпур), Фарахабад, Меред (Мерут), Дели*, или Шахчинабад, Фадифур (Фирозпур?), Лахор и Норпор, или Фар (Киставар?). Покинув Кашмир, через 20 дней он добирается до города Тибета (т.е. Леха), и еще через 40 дней до Яркенда.

Путь его проходит по пустынной, необитаемой земле, над страшными пропастями и через высочайшие горы, но географические данные в описании его путешествия, как и у Ефремова, совершенно отсутствуют.

Из Яркенда Данибегов направляется в Аксу (13 дней пути), оттуда в Турфан (3 дня пути), и еще через 3 месяца он прибывает в город Семипалат (Семипалатинск) на реке Иртыш. Оттуда он едет в Омск, заезжает в город Макарьев на Волге как раз во время ярмарки и, наконец, заканчивает свое путешествие в Москве.

К сожалению, Данибегов не сообщает о продолжительности своих остановок в различных городах. В целом, однако, его путешествие длилось 18 лет. За это время Грузия присоединилась к России, и именно царю Александру I Данибегов, почтительно, прибегая к аллегориям, посвящает описание своего путешествия.

Из этого краткого отрывка видно, что Данибегов для Ваших целей совершенно ничего не может дать.

В заключение я приведу Вам короткий отрывок из описания путешествия Ефремова, касающийся деления и границ Тибета. В нем много неясностей, разъяснить которые предстоит Вам. «Тибет, или Теват, — монгольское название; китайцы именуют эту землю Туфань

* Во время пребывания в Дели Данибегов занимает должность сборщика податей, за что получает 200 рупий ежемесячно.

или Ситсанг, а местные жители — Кианг; прилегающей к Индостану северной части дают имя Бутан, а южной (где верхняя часть зовется Докло, а нижняя — Пю) — особое имя Тибет.

Несколько лет назад Тибет был разделен на 3 части: верхний, средний и нижний. Под верхним Тибетом подразумевают землю Нгари, которую боги называли «Землею слонов»; средний Тибет, заключающий в себе области Цанг, У и Кианг, прозван богами «Землею обезьян»; и, наконец, нижний Тибет заключает в себе области Такбо, Конгбо и Канг и получил название «Земли Празринмы».

На Востоке Тибет граничит с Китаем, на юге с Индостаном, Авой и другими землями по ту сторону реки Ганга; на западе с Кашмиром и Непалом, а на севере с пространной степью Хамо, отделяющей Тибет от Малой Бухарии» [24].

На этом я заканчиваю мое письмо и с сердечным приветом остаюсь всецело преданный Вам,

О.Ф.Штубендорф

6.

О.Э. фон Штубендорф — С.Гедину

14/27 марта 1911

Глубокоуважаемый герр,

Мой любезный сосед, г-н Кобеко, так сильно интересуется историческим разделом Вашего будущего труда, что он не удовлетворился находкой <книги> Данибегова. Во всяком случае, он обращает Ваше внимание еще на одного путешественника, который несомненно заслуживает упоминания по той причине, что в 1792 году ему удалось посетить Лхасу, и не тайно, а в качестве желанного гостя Далай Ламы, которому в то время было 11 лет.

Этот путешественник происходит из поселившегося в Венеции греческого семейства Контарини, был священником и в течение 10 лет находился во главе Ново-Патрской епархии близ Афин под именем «Митрополита Хризанфа». В 1784 году он оставляет свою должность, отправляется в Константинополь, оттуда в Сирию и, затем, присоединившись к английским купцам в Алеппо, предпринимает путешествие в Индию. Его маршрут пролегал в направлении Евфрата, через Персидский залив на Маскат, и он достиг берегов Индии в Сурате. Из Бенгалии он

совершает кратковременную поездку в Лхасу вместе с греческими торговцами солью, которым, ввиду их деятельности, был разрешен въезд на территорию Тибета. Ехали они по рекам Брахмапутре, Таренгазе, Онгу и Нихтау,* вверх по течению. После того как наш путешественник сошел на берег Брахмапутры, в ее верховье называемой Сампу (Сангпо), он отправился в город «Тунсиор». Здесь его задерживают, поскольку Лхаса была запретной для христиан, тем более для священника-митрополита. Однако Далай Лама неожиданно отдает приказ доставить чужеземца к нему, и таким образом митрополит попадает в Лхасу, где на протяжении 17 дней пользуется гостеприимством одиннадцатилетнего Далай Ламы, который щедро одаривает его золотом и платьем.

В описании Тибета наш путешественник не допускает никаких преувеличений. Так, он оценивает население Лхасы в полтора миллиона, а армию (пешую и конную) в 300000 человек и 2000 слонов [25].

Несмотря на дружественный прием, его просьба разрешить ему пройти далее в Китай была отклонена и ему пришлось вернуться в Индию, куда его до Патны сопровождает министр. Конечной целью обратного путешествия (1792-1795) он избирает Россию, и его путь проходит через следующие города: Бенарес, Агра, Дели, Кашмир, Кандагар, Гасни, Кабул, Балх, Бухара, Хива (здесь он задержался на целый год); отсюда он отправляется в Мангышлак, к Каспийскому морю и в 1795 году добирается до Астрахани. Его вызывают в Петербург, и в 1796 году он представляет графу Зубову, командующему войсками в войне против Персии [26], рукопись, в которой он весьма подробно описывает посещенные им азиатские города. Первая публикация этой рукописи с кратким описанием путешествия вышла лишь в 1861 году, изданная с предисловием и комментариями В.В.Григорьева под названием: «Записка: Хрисанфа, Митрополита Новопатрасского, о странах Средней Азии, посещенных им в 1790-х годах. Издал с введением и объяснениями В.В.Григорьев, Москва 1861».

В 1805 году митрополит Хрисанф представляет министру коммерции графу Н.П.Румянцеву [27] вторую рукопись, посвященную поставленному ему вопросу «Можно ли из России легко и без затруднений добраться до Тибета?» В этом отчете он впервые описывает свою поездку в Тибет, которую он в первом (отчете) обходит молчанием, предположив, что Тибет, слишком удаленный от России, не представляет для нее никакого интереса.

* Не названия ли это отдельных частей Брахмапутры? В слове «Хон», например, слышится имя «Дихонг».

Этот второй отчет, в публикации Вашего любезного знакомого из Кашгара, Дм.Кобеко, был напечатан в 1884 году в Петербурге в собрании сочинений, изданном по поводу 25-летнего юбилея Общества поддержки нуждающимся литераторам и ученым. (XXV лет. 1859-1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым) [28].

В Вашем последнем письме от 10 марта Вы называете еще одного путешественника недавнего времени (около 1893 года) — князя Галицына. Этот Галицын был всего-навсего охотником (ездил в Индию на охоту) и не заслуживает упоминания в Вашем произведении. Я с ним знаком еще с Военной Академии, где мы были товарищами. Это тот самый Галицын, который позже был наместником на Кавказе [29].

С наилучшими пожеланиями.

Остаюсь с совершенным почтением,

О.Ф.Штубендорф

7.

Кн. Э.Э.Ухтомский [30] — С.Гедину

С.Петербург,
18/31 января 1911

Глубокоуважаемый герр,

Сердечно благодарю Вас за Ваши любезные строки и за теплые дружеские слова, которыми Вы отозвались о нашей встрече в Петербурге.

Для меня, конечно же, будет большой радостью помочь Вам получить необходимую информацию для Вашего интересного труда. Все Ваши прежние труды неизменно вызывали у меня величайший интерес, и я считал своим долгом привлекать внимание русской публики к Вашим в высшей степени интересным исследовательским путешествиям посредством <публикации> доступных рецензий в редактируемой мною газете. Как раз сейчас я пишу рецензию на Ваш последний труд, вышедший в издательстве Брокгауза.

Что касается моей коллекции [31], то она прежде всего состоит из предметов, относящихся к ламаистскому культу, таким образом, она также включает в себя произведения ламаистского иконописного искусства. Географических и топографических карт в коллекции нет.

Есть только два плана буддийских монастырей, на которых нанесены некоторые топографические данные о местоположении этих монастырей. Мой сын, который также много путешествовал по Монголии и имеет отношение к области ламаистской культуры [32], с удовольствием произведет для Вас фотографическую пересъемку этих карт. Для этого потребуется некоторое время, так как уже несколько лет назад моя коллекция была передана музеем Александра III, расширение музея не совсем закончено, коллекция выставлена не полностью и упомянутые планы сначала должны быть извлечены из архива, где они хранятся. Мой сын, конечно же, не преминет предпринять необходимые шаги, чтобы получить разрешение для этого как можно скорее.

Через некоторое время в Петербург приедет известный Агван Доржиев, лицо, приближенное к Далай Ламе [33], он сам многократно путешествовал по Тибету во всех направлениях и мог бы, наверное, дать тоже некоторые интересные подсказки.

Что касается русской литературы относительно географии Тибета, можно сослаться на труд калмыка База Бакши, вышедший примерно 15 лет назад, в котором автор подробно рассказывает о своем путешествии в Лхасу [34].

Я охотно буду и далее наводить здесь справки по всем направлениям и, надеюсь, в скором времени смогу сообщить Вам кое-какие данные.

В заключение я прошу Вас извинить меня за мой запоздавший по причине недомогания ответ и остаюсь с чувством совершеннейшего почтения,

Э.Ухтомский

8.

Кн. Э.Э.Ухтомский — С.Гедину

С.Петербург,
21.IX/4.X.1911

Глубокоуважаемый герр доктор,

В дополнение к моему предыдущему письму спешу сообщить Вам, что я узнавал у находящегося в настоящее время в Петербурге ламы Агвана Доржиева, не привозил ли он из своих поездок в Тибет материалы, интересующие Вас в данный момент. На это многоуважаемый лама ответил мне, что еще много лет назад он привез из Тибета одну интересную карту, на которой показаны монастыри и содержатся другие важные сведения. Эту карту он привез в подарок Министерству Иностранных Дел [35]. Если Вы захотите взглянуть на нее своими глазами, то

лучше всего было бы обратиться в Министерство Иностранных Дел через Ваше посольство.

Быть может Вам будет небезынтересно узнать, что в настоящее время здесь строится ламаистский храм [36], и из-за него Агван и находится в Петербурге. На случай, если Вы захотите получить какую-нибудь информацию от него лично, я сообщаю Вам его адрес: С.Петербург. Петербургская сторона, Большой Проспект д.92, кв.18.

С глубочайшим почтением,

Э.Ухтомский

9.

П.К.Козлов [37] — С.Гедину

СПб, 2 дек. 1903

Дорогой коллега Свен Людвигович!

Получил на днях и, обстоятельно просмотрев Ваш труд, изданный роскошно на немецком языке [38], я спешу принести Вам, топ апі, мою сердечную благодарность за память и внимание. Приятно видеть, что Ваша энергия и труд в деле исследования Центральноазиатских равнин и высей Тибета уже воплощены в известную форму, чтобы затем стать достоянием географической науки.

Что касается до моих работ, то я печатаю лишь 1-ю часть — Монгольскую в широком смысле (до Цайдама включительно). К этой первой части будут приложены фототипические таблицы, рисунки в тексте и три карты 20-верстного масштаба пройденных вновь экспедицией мест [39].

Отделы строго научные или специальные также подготовляются к печати. По мере выхода в свет работ моей экспедиции, я буду считать за особенно приятное для себя удовольствие выслать их Вам.

На днях же, пока, высылаю для Вас том труда моего по путешествию 1893-95 гг. [40].

Крепко жму Вашу усердную и талантливую руку.

Преданный Вам,

П.Козлов

P.S. Моя жена шлет Вам свой искренний привет с наилучшими пожеланиями.

10.

П.К.Козлов — С.Гедину

СПб, 16 февраля 1912

Милейший Свен Людвигович!

Получил я Ваше роскошное издание на английском языке — «Транс-Гималаи» [41] и сначала с ним достаточно ознакомился, а потом уже взялся написать Вам мою искреннюю благодарность за такую приятную память...

Невольно вспоминаю наш с Вами разговор по поводу взгляда англичан на Ваши последние исследования в их, так сказать, сфере географических изысканий... Конечно, чем больше Вы встречали неизвестного, неизученного в глубине горной системы Гималаев, тем для Вас больше славы и гордости, а для англичан, в особенности индийских географов — зависти и досады. Хотя наука должна быть выше и чище всех этих человеческих условностей.

Крепко, дружески жму Вашу энергичную, сильную руку и твердо верю, что Вы еще совершите новый подвиг на поприще нашей любимой географической науки. Еще раз сердечно благодарю Вас, дорогой коллега. Буду счастлив по выходе в свет Хара-Хото [42] представить Вам его на снисходительный суд.

Преданный и уважающий Вас,

П.Козлов

11.

В.А.Обручев [43] — С.Гедину

Технологический Институт,
Томск. 11/24 апреля 1909

Многоуважаемый коллега!

Я пишу Вам в надежде, что Вы еще помните тот день, когда Вы, около 12 лет тому назад, останавливались в Иркутске, возвращаясь из первого большого азиатского путешествия. Вы обещали тогда послать моей жене и мне Вашу фотографию в память о Вашем визите и интересные виды центрально-азиатских пустынь. По прибытии на родину Вы забыли своих коллег в Сибири, а затем последовали два новых

больших путешествия с их новыми впечатлениями и знакомствами, заслонившие более ранние события. Теперь Вы снова уже некоторое время находитесь на родине после последнего путешествия, с большими успехами которого в ныне почти раскрывшемся Тибете я от всего сердца поздравляю Вас.

Я пользуюсь случаем, чтобы напомнить Вам об обещанной фотографии и также при этом обращаюсь к Вам со следующей просьбой.

Так как в моей личной библиотеке я собрал все, что появилось в печати о Центральной Азии, то, естественно, я имею также и Ваш большой труд по-английски о втором путешествии [44], результаты которого для меня очень важны; я подписался на него у книгопродавца Карла Гиерсеманна в Лейпциге. После выхода первого тома о Тариме с приложенным к нему атласом карт, он послал мне его в ящике вместе с другими книгами. Это было как раз во время войны с Японией, когда сибирская железная дорога была перегружена <перевозкой> войск и грузов и царил большой беспорядок — ящик затерялся и не найден по сю пору. Следующий том и оставшуюся часть атласа (с Лоп-нором) я получил; первого <тома>, однако, Гиерсеманн мне не смог достать, т.к. он отдельно не продается без Вашего согласия. Теперь я прошу Вас дать такое согласие Вашему издателю Брокгаузу [45] в Лейпциге с тем, чтобы он продал моему книгопродавцу этот первый том вместе с частью 1 атласа карт. У него, наверное, имеются отдельные экземпляры, а я не имею возможности заказать весь труд целиком во второй раз, и, если Вы не дадите согласия, то у меня будет неполный комплект! Может быть, у издателя в Стокгольме или Лондоне есть лишний 1-ый том, который он мог бы послать Гиерсеманну?

С 1901 г. я снова в Сибири, в Томске; являюсь профессором геологии в недавно основанном Технологическом Институте [46]. Новые преподавательские обязанности равно как и исследовательская работа для железной дороги и по добыче золота помешали мне вновь отправиться в любимую Внутреннюю Азию, за исключением двух экскурсий вблизи Джунгарии. Именно эти причины до сих пор мешают мне окончить 3-й том моих путешествий [47]. Вы находитесь в счастливом положении, имея возможность постоянно совершать новые и большие путешествия и в перерывах между ними быстро составлять их описания. Поэтому Вам можно позавидовать.

С сердечным приветом,

В.Обручев

12.

В.А.Обручев — С.Гедину

Отель Савойя, Нерви,
Италия. 10/23.IV.1913

Многоуважаемый и дорогой друг!

Ваше дружеское письмо от 24.XII.1912 я получил в самом начале тяжелой болезни, из-за которой вплоть до апреля был не в состоянии писать. Затем я должен был поехать сюда, чтобы на берегах теплого Средиземного моря полностью восстановить здоровье.

Тем временем я получил также из фирмы Брокгауза третий том Вашей прекрасной работы «Трансгималаи» [48], доставленный мне; большое спасибо за этот весьма ценный подарок! Первые два тома мне уже хорошо известны, о выходе же третьего я, однако, ничего не знал.

О нанесенной Вам Географическим Обществом обиде я уже кое-что слышал, однако, подробности случившегося мне были неизвестны, так как все это произошло во время моей летней работы, когда мне редко и случайно приходилось держать газеты в руках. В этом деле я целиком на Вашей стороне и считаю, что политика и наука должны идти своими собственными путями. Географическое Общество избрало Вас своим членом вследствие Ваших открытий в Азии, и оно могло исключить Вас из своих рядов, только если бы стало известно, что эти открытия являются ложными, подобно <сообщению о> достижении Куком Северного полюса. Подобное обхождение с исследователем из-за его политических взглядов было крайне опрометчивым. К сожалению, старший Семенов [49] уже почти совсем невменяем, и в Совете ГО, как и вообще в русской политике, возобладали господа-ультрапатриоты.

Я был очень доволен, что посланные мною книги дошли до Вас [43] и что не все русские настроены так же, как руководители Географического Общества. Надеюсь, что со временем все уладится и мы снова будем иметь удовольствие приветствовать Вас в России после Вашего следующего большого азиатского путешествия.

Научный отчет о путешествии в Трансгималаи вскоре выйдет из печати и так же составит несколько томов, как и отчет о <Вашем> предыдущем путешествии в Тарим—Лоп-нор—Тибет. Не могли бы Вы для этого будущего отчета использовать не тяжелую минерализованную бумагу, а легкую, немного ворсистую, какую часто можно встретить в американских книгах, напр., в изданиях Института Карнеги? Тома

Вашего отчета Тарим—Лоп-нор такие тяжелые, что их трудно держать в руках. Этой зимой я часто пользовался обоими томами, т.к. пишу небольшую работу о песчаных скоплениях для защиты растительности для сборника (это слово написано по-русски — А.А.) в честь Московского профессора Анучина, который должен выйти этим летом [50]. Кажется, однако, что в области Лоп-нора и Тарима существует лишь форма «тамарисковых холмов» (написано по-английски — «tamarisk mounds» — А.А.), которые являются не аккумулятивными, а дефляционными образованиями. По крайней мере, я не обнаружил у Вас, так же как и у Певцова с Богдановичем, каких-либо сведений о тамарисковых холмах, хармыковых холмах* и т.п., которые состоят из песка; после Вашего сообщения я могу указать лишь на камышевые и саксауловые песчаные холмы в этой местности.

Сейчас я работаю над вторым выпуском отчета о Джунгарии, который должен выйти из печати к лету. Однако, болезнь сильно расстроила мои планы.

Я пробуду здесь только до 15 мая, а затем поеду на месяц в Киссинген для лечения на водах и надеюсь после этого снова быть достаточно здоровым, чтобы выполнить кое-какую работу в Азии и для Азии.

Как обстоят дела с Вашим здоровьем после годичных изнурительных трудов на высотах Тибета? Подумываете ли Вы вновь отправиться в эту негостеприимную, но такую интересную страну?

С сердечным приветом, сохранивший прежнюю дружбу к Вам,

В.Обручев

13.

В.А.Обручев — С.Гедину

Крым, Симферополь.
1/14.IX.1920

Многоуважаемый герр и дорогой друг!

Ужасная война и революция в России надолго прервали нашу переписку, и я посылаю это письмо наудачу в Стокгольм, не имея Вашего точного адреса.

Моя научная работа, относящаяся к геологии Азии, не двигается почти уже три года, с тех пор как я, напуганный властью большевиков, покинул Москву, где осталась моя библиотека. Здесь, в Крыму, я

* Хармык (хармак) — род степного или пустынного кустарника

являюсь профессором геологии в университете в Симферополе [51], но это, лишь два года тому назад открывшееся заведение, имеет очень бедную библиотеку, где полностью отсутствует литература об Азии, и вообще, научная работа <здесь> почти невозможна. Годы уходят, слабеют силы, гражданская война еще больше ухудшила жизненные условия; мы влачим полуголодное существование, замерзаем зимой, сыпной тиф и холера постоянно угрожают нам.

Поэтому я хотел бы на время уехать за границу, чтобы возобновить в более благоприятных условиях мою работу по Азии, которая возможна лишь в большом городе. Я прошу Вас о дружеской услуге — сообщить мне: имеются ли в библиотеках Стокгольма серьезные исследования по Азии, такие как <труды> Рихтгофена, Сечени, Тафеля, Пампелли, Бейли Виллиса и т.д. [52]. Смогу ли я найти в Стокгольме какой-нибудь подсобный заработок, который позволил бы мне обеспечивать себя и оставлял время для научной работы? Сколько денег необходимо иметь ежемесячно на одного человека, чтобы вести вполне сносную жизнь? Несмотря на то, что я не знаю шведского языка, меня привлекает Стокгольм, т.к. жизнь там спокойней, чем в Лондоне, Париже или Берлине, и т.к. я мог бы надеяться на Ваши советы и помощь <в научном отношении>. Небольшие деньги я мог бы получать из Польши, где у меня есть имение, но все же мне важно знать, смогут ли они и как долго поддерживать мою жизнь в Стокгольме.

Моя жена и двое моих сыновей находятся здесь, третий сын — в Москве, учится в Университете, он геолог и уже работал в Сибири [53].

Ваш дружеский ответ прошу направить моей сестре Анне Обручевой — 70, Рю де ла Тур, Париж, XVI округ (через которую было отправлено это письмо) или через посредство шведского консульства в Константинополе или <прямо> в Крым, когда сможете дать таковой.

С наилучшими пожеланиями. Дружески вспоминая Вас,

В.Обручев

14.

В.А.Обручев — С.Гедину

Москва, 2 июля 1921

Многоуважаемый и дорогой друг!

Ваше любезное письмо пришло ко мне лишь несколько дней тому назад — из Парижа через Эстонию. Ибо, как Вы писали в нем, Крым

уже был захвачен и сообщение с Парижем прервалось. Мои планы <переселения> в Швецию или Германию, естественно, стали неосуществимыми, и потому мне пришлось вернуться в Москву. Здесь моя квартира вместе с библиотекой и бумагами сохранилась в неприкосновенности благодаря моему сыну, который оставался здесь все время. Таким образом, я могу вновь приняться за мои азиатские работы, хотя и без надежды передать их для опубликования в ближайшее время, т.к. для чисто научной работы правительство не дает бумаги.

Сердечно благодарю Вас за Ваши усилия оказать мне помощь в довольно щепетильном положении и за предоставленные мне сведения! Поездка за границу для меня сейчас невозможна, поскольку мое имение в Польше, на доходы с которого я рассчитывал, конфисковано правительством без какой-либо компенсации, как мне стало известно. Также и смехотворно низкий курс наших бумажных денег делает такую поездку в ближайшее время невозможной. Посудите сами, я должен ежемесячно зарабатывать здесь от 600 до 800 тысяч рублей, чтобы вести крайне экономную жизнь — я, моя жена и младшие сыновья (старшие уже стоят на своих ногах).

Однако, еще более печальным является то обстоятельство, что валютный курс делает для нас невозможным получение книг и журналов из-за границы; мы видим новую литературу только случайно и в обрывках в какой-нибудь библиотеке, которая получает от правительства без всякой системы то одно, то другое. Поэтому мне на ум пришел такой выход: если действительно можно написать статью для шведских Географических Анналов (хотя бы по-немецки, т.к. шведского я не знаю) о моих последних исследованиях в Джунгарии <и> на Алтае, то я был бы очень доволен, т.к. гонорар можно было бы послать в Германию моему книготорговцу и т.обр., приобрести новые работы об Азии, которые мне необходимы, напр., описание Мерцбахером восточного Тянь-Шаня [54], Центральную Азию Лейкса (Руководство по региональной геологии) [55], Ваш «Южный Тибет» [56] и описание путешествия А.Тафеля [57] (атлас он мне любезно прислал перед самой войной). Могли бы Вы мне назвать другие новые работы об Азии, вышедшие в свет после 1914? Наша информация о них здесь крайне недостаточна.

Мой адрес такой — Москва, Арбат, Калошин переулок 4, кв.18. Но будет лучше, если Вы пошлете мне Ваш дружеский ответ в Ревель, Эстония, Домпроменад 19, фрейлин Мари Обручевой (моей сестре), которая может переслать мне письмо сюда через эстонское консульство.

С сердечным приветом, благодарный Вам,

В.Обручев

15.

В.А.Обручев — С.Гедину

Москва, 15.IX.1921

Многоуважаемый и дорогой друг!

Ваше любезное письмо от 5/ VIII попало в мои руки только 10/IX — так медленно теперь ходит почта. Большое спасибо за Ваши дружеские хлопоты относительно книг об Азии и <за сообщение> о перспективах Вашей новой работы. Вы неутомимы и хотите еще раз — в который? — пойти в запретную страну! Меня необычайно радует, что Вы еще полны сил! Для меня же путешествие во Внутреннюю Азию невозможно; из-за лишений и переживаний последних 4-х лет я сильно постарел, и мое сердце не может более переносить физические нагрузки. Только за рабочим столом я могу путешествовать и делать что-то полезное, но никак не в седле, а о больших абс<олютных> высотах нечего и говорить!

Что касается Вашего плана начать путешествие в Ташкенте, то он мне представляется едва осуществимым. У меня не было возможности собрать более точные и свежие сведения о ситуации в Туркестане (необходимо найти достоверных людей, прибывших оттуда), но общее состояние дел в России не благоприятствует научным поездкам. Предположим, что Вы получите от Московского правительства разрешение и наилучшую сопроводительную бумагу (в чем нет уверенности, т.к. оно боится позволить иностранцу увидеть собственными глазами положение дел у нас и таким образом обнаружить официальную ложь), предположим, что Вы возьмете с собой не только научное снаряжение, но также одежду, обувь, консервы, палатки и т.д. и, в дополнение ко всему, достанете специальный вагон до Ташкента — на месте Вы встретите бесчисленное множество препятствий. Местное правительство является автономным, или хочет быть таковым, и от него будет зависеть, содействовать Вам или нет. Без его помощи невозможно нанять или купить верховых или вьючных животных, достать погонщиков и проводников, получить нужного качества и количества провианта и т.д. Но даже при всем расположении местных властей многих вещей нельзя будет раздобыть по причине полного расстройств народного хозяйства, или они будут стоить огромных денег. Что касается последних, то золото и серебро желательно иметь в слитках, т.к. стоимость их (т.е. золота и серебра — А.А.) повсеместно сохраняется одинаковой, и слитки можно обменять на местные деньги. Гостиниц у нас нет нигде, и путешествуя-

щие целые дни проводят на вокзалах, или находят пристанище у знакомых, или в различных канцеляриях, где спят за столом или на полу. Я сам был свидетелем того, сколько времени и сил потребовалось для снаряжения и отправки местных геологов, которые, по распоряжению правительства, должны были приступить к своим летним работам. Так же нелегко будет получить разрешение или, как Вы хотите теперь, приглашение для путешествия. Я лично имею мало шансов на успех в переговорах об этом с народным комиссаром (этот политический деятель плохо знает крупных ученых) и должен буду сперва попытаться заинтересовать Вашим замыслом какой-нибудь из больших институтов, который уже затем предпримет необходимые шаги. Я займусь этим в ближайшее время, буду зондировать почву и тотчас же сообщу Вам, какие имеются возможности. Я был бы очень рад видеть Вас здесь и помочь Вашим планам, поехать с Вами в Ташкент и т.д. Поезда на Ташкент из Москвы ходят один раз в неделю, скорый поезд идет 7-10 суток.

С наилучшими пожеланиями,

Ваш В.Обручев

16.

В.А.Обручев — С.Гедину

Москва, 15.X.1921

Многоуважаемый и дорогой друг,

Я могу сообщить Вам теперь, что предпринятые мною поиски института, который заинтересовался бы Вашими замыслами, увенчались успехом. Проф. П.П.Лазарев, руководитель физического отделения Московского научного Института, возьмется за это дело, как только он получит от Вас предложение, в котором вкратце будут изложены цель и план экспедиции, вместе с указанием, какого рода практическую помощь Вы ожидаете получить от русского правительства. Он планирует включить в Вашу экспедицию одного участника для магнитометрических наблюдений в Туркестане, чтобы таким образом сделать все это дело приемлемым для правительства.

Отпечатайте на машинке Ваше предложение и пошлите его мне или прямо по почте *Профессору Петру Петровичу Лазареву — Физический Институт Московского Научного Института* (эти слова написаны

по-русски — А.А.). Так как работа нашей почты оставляет желать много лучшего, возможно, стоило бы отправить Ваше предложение в 2-х экземплярах обоими способами.

Это дело несколько затянулось, т.к. я, как декан одного из факультетов Московской Горной Академии, на прошлой неделе был очень занят перед началом зимнего семестра и, кроме того, у меня отняла много времени подготовка моего курса о рудных месторождениях с <использованием> множества фотографий. Намереваетесь ли Вы поехать в Ташкент в этом году и следующим летом уже начать путешествие в Тибет? Я полагаю, однако, что медленная работа почты и еще более медленное согласование такого предприятия в соответствующих инстанциях могут изменить Ваши планы.

Что касается моей статьи для Географических Анналов, у меня сейчас нет и лишнего часа времени из-за многих текущих обязанностей, и я надеюсь, что смогу осилить ее к Новому году.

С наилучшими пожеланиями. Всецело Вам преданный,

В.Обручев

17.

В.А.Обручев — С.Гедину

Москва, 3.1.1922

С Новым годом! [58]

Многоуважаемый и дорогой друг!

Ваше любезное письмо от 20/XI, вместе с упомянутыми в нем книгами, на днях благополучно пришли сюда и доставили мне огромную радость, поскольку уже несколько лет я не держал в руках ничего нового о Центральной Азии! С величайшим интересом я просмотрел Мерцбахера, Лейкса и Ваш обзор ранних сообщений о Тибете [59] (то, что написано по-шведски о Вашем исследовании, кроме карт и видов, мне, к сожалению, малопонятно), и во время только что начавшихся рождественских каникул я на досуге буду наслаждаться Вашими книгами (Вы удивились бы, если бы я не объяснил, что у нас в России после революции был введен новый стиль; церковных праздников, однако, эта реформа не коснулась, так что мы празднуем Рождество после Нового года). От всего сердца благодарю за Вашу дружескую заботу!

У Лейкса мне сразу же бросилось в глаза то, что он очень своеобразно проводит границы Центральной Азии и мало или почти

совсем не описывает большие области, такие как, напр<имер>, всю Гоби, Хангай, Кентей, бассейн Тарима, Алашань, Бэйшань и т.д., сосредотачивая все свое внимание на западных и южных горных окраинах — Тяньшане и Куньлуне. Поэтому общая картина Центральной Азии у него весьма односторонняя и неполная. Большое спасибо также за листок с библиографическими сведениями о других новых работах с Вашими пояснениями! В нем, однако, я ничего не нашел о Тафеле. Опубликовал ли он уже текст к атласу карт своего путешествия, изданному Обществом Географии в Берлине в начале 1914 г.? Поскольку он приводит в нем большое количество нужных мне данных, меня особенно интересует это описание. Атлас я достал в Берлине еще перед войной. Тянь-Шань и Джунгарский Алатау Фридрихсена я имею, конечно [60]; он гостил у меня в Томске по возвращении из путешествия, и своим участием в нем вместе с проф. Сапожниковым он обязан мне [61]. Со времени Географического конгресса в Берлине в 1899 г. мы с ним хорошие друзья. У меня также есть «Неведомая Монголия» Каррутерса [62].

Козлов действительно опубликовал новую работу о Монголии, Тибете и Далай Ламе [63], довольно популярного содержания, основанную на отчете о его путешествии, с дополнительными сведениями о визите, который он нанес в Урге Далай Ламе в 1914 г. [64] с целью дипломатических переговоров. Интересным для Вас будет описание путешествия Цыбикова в Лхасу, которое наконец-то было выпущено Русс<ким> Геогр<афическим> Общ<еством> [65]. Я его еще не видел, получу в ближайшее время и при первой же возможности pošлю Вам эту книгу. Вскоре связи с заграницей для ученых должны быть облегчены, так что будет возможной прямая почтовая пересылка.

С сердечным приветом. Остаюсь преданным Вам,

В.Обручев

18.

В.А.Обручев — С.Гедину

Москва, 20.III.<19>22

Многоуважаемый и дорогой друг!*

Одновременно посылаю Вам прямо по почте бандеролью книгу Козлова «Тибет и Далай Лама», более из-за фотографий, которые,

* Открытка. Послана из Эстонии. Почт.штемпель 6.IV.1922. Таллинн

возможно, заинтересуют Вас, нежели из-за содержания. Цыбикова я до сих пор еще не получил из Географ. Общества — у нас проходит так много времени, прежде чем вы что-нибудь получите из другого города. Мой очерк о Джунгарии я наконец-то перевел на немецкий язык [66]; остается только приложить к нему тектоническую карту, без которой текст будет нелегко понять, поскольку хороших карт этих местностей не существует.

С наилучшими пожеланиями,

Ваш В.Обручев

19.

В.А.Обручев — С.Гедину

Москва, 6.III.1923

Многоуважаемый и дорогой друг!

В конце июля прошлого года я передал письмо и книгу Цыбикова о Тибете, которую Вы хотели иметь, здешнему профессору Вормсу [67], который намеревался в скором времени отправиться в Швецию и выразил желание познакомиться с Вами, чему должна была поспособствовать моя посылка. Из-за неизбежных формальностей его отъезд задержался до самого сентября и, когда он приехал в Стокгольм, то не застал Вас там — Вы были в Берлине. Вместо того, чтобы книгу и письмо оставить на Вашей квартире и зайти <к Вам> позднее снова, сей сообразительный господин захватил их с собой на обратном пути в Германию, рассчитывая разыскать Вас в Берлине. Ему не пришло в голову, что Вы уже вернулись в Швецию! Вместо того, чтобы книгу и письмо отправить по почте в Швецию, этот господин не нашел ничего лучше, как привезти их обратно в Россию, и несколько дней тому назад, к моей досаде, они снова вернулись ко мне! Вот как бывает иногда с посылками с оказией — по прошествии 7 месяцев я посылаю теперь письмо и книгу отсюда по почте и надеюсь, что они в конце концов попадут к Вам в руки.

В наших газетах я прочитал <прошлой> осенью известие о том, что Вы вскоре хотите отправиться в новое путешествие в Тибет, из Пекина. Это сообщение должно было подготовить общественность к благоприятному восприятию точно так же запланированной Козловым экспедиции в Тибет, аналогичной Вашей [68]. Между тем, его план уже вполне созрел, Козлов получил деньги от правительства и подготовился к тому, чтобы выступить в мае из Кяхты. Он берет с собой ученых

спутников — нескольких ботаников, зоологов, геологов, геодезистов. В Кукуноре или дальше в негостеприимном Тибете обе экспедиции могли бы встретиться, если известия о Ваших планах были правдой.

Я сам имею большое желание вновь отправиться в Центральную Азию, но не в Тибет, где слишком высоко и холодно. К сожалению, мне такая задача уже не по силам, и, к тому же, на моих плечах лежит такая огромная научная работа, также посвященная Азии, что потеря 3-х лет — столько должна продолжаться экспедиция Козлова — была бы слишком чувствительна для меня. Жаль, что этот план не был осуществлен 8 лет тому назад, а именно перед войной [69], когда я был свободным и находился далеко от Томска — тогда я непременно увлекся бы им. В то время я предпринял поездку из Москвы на Алтай, что доказало мне, что я способен к полевой работе. Но затем наступили тяжелые времена, которые удвоили бремя нескольких прошедших лет, и я завидую, что Вы и Козлов можете уверенно совершить путешествие в Тибет.

Надеюсь, что Вы получите это письмо еще до отъезда, так чтобы я мог сказать Вам от всего сердца «Счастливого пути» и пожелать, чтобы Вы вернулись с новым богатым научным багажом (букв. «добычей» — А.А.), как это было прежде.

С наилучшими пожеланиями. Преданный Вам,

В.Обручев

20.

В.Л.Котвич [70] — С.Гедину

Львов (Польша), Маршалковска 1,
Университет. 8 февраля 1925

Уважаемый Сэр,

Будучи профессором С.Петербургского Университета, я имел (в тексте «имею» — очевидно, описка — А.А.) возможность заниматься исследованием в различных государственных архивах России. В одном из них я обнаружил очень любопытные сведения, относящиеся к пребыванию Джона Рената в Джунгарии и о его обратном путешествии в Россию [2]. Я также натолкнулся на подлинник письма, написанного Царице калмыцким ханом, Галдан-Церингом, в котором он просит ее позволить Ренату вернуться в Швецию через Россию. Поскольку я владею калмыцким языком, я скопировал это послание для себя.

Из последнего труда г-на Бэддели «Россия, Монголия, Китай» я вижу, что автор, проводя свое исследование в русских архивах, специально разыскивал информацию о Ренате. Но ему меньше повезло, чем мне. Мне кажется, что другие недавние работы, касающиеся этой темы, особенно шведские, также не извлекли никакой пользы из этого источника.

Тем не менее, я должен сказать, что я был не в состоянии закончить мое исследование. Объясняется это тем, что, будучи поляком, я был вынужден немедленно вернуться в Польшу, и все же я могу утверждать, что собранный мною материал заслуживает внимания.

Сейчас мне хотелось бы подготовить свою работу к печати. К сожалению, Львов не может предоставить мне всю необходимую литературу, а вышеупомянутый труд Бэддели, который я имел возможность внимательно прочитать в Петербурге, бесполезен для меня.

Поэтому, поскольку я знаю, что вы посвятили себя исследованию Центральной Азии, я осмеливаюсь любезно просить вас о помощи. Прежде всего, не могли бы вы сообщить мне, какие шведские или иные публикации о Ренате появились в последнее время — за исключением известных мне русских публикаций.

Я также считал бы большим одолжением с вашей стороны, если бы вы могли посоветовать, стоит ли мне публиковать в каких-либо шведских научных изданиях имеющиеся у меня материалы — а также, <стоит ли мне> опубликовать их по-английски с русскими указателями.

Искренне ваш,

В.Котвич

21.

К.Д.Бальмонт [71] — С.Гедину

Lacanau-Ocean, Gironde,
Villa Midzou. 1926.X.12

Глубокоуважаемый Свен Хедин,*

Мне говорят, что Вы знаете русский язык. Будучи русским и любя шведский язык, я вдвойне счастлив, что это так. Men jag kan icke skriva Svenska, ja kam bara lasa.** В замечательной книге Svante Arrhenius, «Varldarnas utveckling» [72], которую он был добр мне подарить в

* Открытка. На лицевой стороне — фотопортрет К.Бальмонта.

** Я не могу писать по-шведски, но могу только читать (шв.)

прошлом году, я прочел об «Asiens oktentrakter... skildrats af Sven Hedin».*

Если бы Вы были добры послать мне это описание, я был бы Вам очень признателен. Я много путешествовал, но пустынь Азии, к сожалению, не знаю.

Посылаю Вам свой «Светлый час», «Quelques Poemes» [73] и несколько газетных статей.

Мне жаль, что Швеция мало меня знает. Для меня Швеция и Норвегия — с юности моей излюбленные страны, полные красоты Природы и гордых достижений смелых людей.

Преданный Вам,

К.Бальмонт

22.

Ю.Н.Рерих [74] — С.Гедину

Наггар, Кулу, Пенджаб,
Британская Индия.
11 ноября 1931

Многоуважаемый доктор Гедин,**

Я был очень рад получить Ваше дорогое письмо от 8 сентября вместе с вашей фотографией. Сердечно Вам благодарен за Ваши дружеские, любезные слова о моей научной деятельности в Центральной Азии. Мне было особенно отраднo слышать такие отзывы от столь уважаемого авторитета, как Вы.

Посылаю Вам отдельно заказной бандеролью экземпляр Журнала нашего Института Гималайских Исследований «Урусвати», основанного при Музее Рериха [75]. В следующем номере будет опубликован обзор новых экспедиций в Центральную Азию, и я был бы признателен Вам, если бы Вы любезно согласились предоставить мне сведения о Вашей нынешней замечательной работе в Центральной Азии. Первый номер нашего Журнала посвящен знаменитому американскому индологу проф. Р.С.Ланманну, а следующий выйдет в честь проф. А.Михельсона. Один из ближайших номеров мы намерены посвятить Вам [76].

* Азиатских пустынных областях, описанных Свенoм Гедином (шв.)

** Письмо Ю.Н.Рериха является ответом на нижеследующее письмо С.Гедина от 8.09.31.

В настоящее время я тружусь над книгой под названием «Пржевальский и Свен Гедин — два величайших исследователя Азии» [77]. Книга выйдет на нескольких языках, и я был бы Вам крайне благодарен за любой материал о Вашей научной работе.

С самыми искренними пожеланиями успеха в Вашей дальнейшей работе.

Остаюсь Ваш,

Юрий Рерих

23.

С.Гедин — Ю.Н.Рериху*

Стокгольм, 8 сентября 1931

Уважаемый профессор Рерих,

С большим удовольствием я получил сегодня Вашу удивительную и прекрасную книгу «По тропам Срединной Азии» [78] и тут же в один присест прочитал большую ее часть.

Позвольте мне особенно выразить мое восхищение тем, как доходчиво и научно вы изложили орографическую важность Трансгималаев и ситуацию в Тибетском мире гор. Английские географы, как кажется, еще не совсем осознают ту огромную роль, которую играет эта гигантская горная система, но будущие исследования подтвердят всю справедливость моих выводов. Поэтому я читал все, что Вы написали о моих старых Трансгималаях с величайшим и подлинным удовольствием.

Где-то я читал, что профессор Осбори жаловался на отношение китайцев к иностранцам. Что касается меня и моей экспедиции, то я не могу согласиться с этой критикой. Китайцы относились к нам, шведам, с необыкновенной щедростью и радушием, и мы до сих пор сотрудничаем с китайскими учеными самым дружеским образом. Участвовавшие в моей экспедиции китайцы также проделали прекрасную работу. Выше всякой похвалы заслуги таких талантливых ученых, как профессор П.Л.Юань, г-н Ванг Ванпи и г-н Паркер С.Чен. Несколько студентов, находившихся в нашем распоряжении, также оказались внимательными и точными наблюдателями.

Моя экспедиция, к которой я скоро вернусь, работает восемью отдельными отрядами в Синдзяне, Каме, Гоби и Монголии. Мой

* Копию письма, написанного на английском языке, любезно предоставила автору настоящей публикации редакция журнала «Ариаварта».

шведский археолог, д-р Фольке Бергман, нашел в Эдзинголе более десяти тысяч деревянных табличек, относящихся к раннему периоду Ханьской династии. Д-р Эрик Новин обнаружил следы Пермскокаменноугольного ледникового периода и окончательно разрешил проблему обезвоживания в Центральной Азии. Д-р Нильс Хорнер обнаружил и обследовал новый Лоп-нор. Д-р Нильс Амбольт с помощью инварового маятника определил гравитационную силу во многих местах в Восточном Туркестане. Д-р В.Худ произвел запуск 353 аэростатов на максимальную высоту в двадцать одну тысячу метров. Сейчас у меня работают в Центральной Азии четверо весьма способных шведских геологов, и их работа даст совершенно новое представление о структуре и стратиграфии великого континента.

Популярное описание нашей экспедиции в одном томе вскоре будет опубликовано издательством «Ругледж и Сын», и я пошлю Вам экземпляр книги. Если интерес к нашей работе будет в Америке больше, чем в Англии, я бы хотел опубликовать там книгу о некоторых из наших достижений. Безразличное отношение к моей работе англоговорящего мира, возможно, объясняется моими симпатиями к Германии во время войны, симпатиями, которые сейчас стали еще сильнее, чем когда-либо.

С искренней благодарностью. Преданный Вам,

Свен Гедин

24.

Бадма Уланов [79] — С.Гедину

10.1.1936

Д-р Бадма Уланов
Прага, XIII, Ст.Страшнице, 853.
Чехословакия

Высокоуважаемый Господин Доктор!

Примите сердечный привет и пожелание Вам доброго здоровья. Приношу Вам глубокую благодарность за прекрасные две книги, которые по Вашему распоряжению прислали мне из Лейпцига. Ваше путешествие по Тибету (Трансгималаи, три тома, на нем. яз.), которое Вы совершили из Индии, мы имеем* [80]. Первое Ваше большое

* так в оригинале

путешествие мы имеем на рус. и нем. языках [81]. Таким образом, у нас имеются данные о трех Ваших путешествиях.

Ваши путешествия представляют, несомненно, замечательные страницы в открытии сердца величайшей страны в мире — Азии. Вместе с этим они особенно важны и интересны для нас — монголов (ойратов, калмыков), потому что они открывают и нас для культурного мира в лице наших азиатских единоплеменников и единоверцев. Как Ваши путешествия, так и путешествия некоторых иных величайших исследователей Центральной Азии, в сущности помогают нам самим открывать нас самих себя в нашем сознании.

Дух Ваших путешествий близко подходит к духу путешествий Потанина, Козлова, академика Рериха. Я, к сожалению, мало знаю труды французских и американских путешественников. Об экспедиции полковника Юонхесбанда я имею представление из труда Аустина Уоддела: «Лхаса и ея тайны» (Очерк Тибетской экспедиции 1903-1904 гг., в русск. пер.) [82].

Повторяю, вы, гг. путешественники, открываете нас для нас самих, именно нас, европейских монголов-калмыков, бурят, которые еще живыми корнями связаны с азиатскими народами и их религией (буддизмом, отчасти шаманством). Вы, гг. путешественники, так сказать, в большой степени помогаете нам познать самих себя. За это вам, ученым европейским путешественникам и исследователям и, в частности, лично Вам, Г-н Доктор, великое наше спасибо. Ваш славный ученый собрат Ф.Нансен многое открыл в отношении северно-азиатских народов...

Еще раз приношу Вам большую благодарность, что дали возможность встретиться лично с Вами и побеседовать с одним из замечательных современников.

В уверенности, что Вы с не меньшим вниманием отнесетесь к настоящему моему письму, позволю себе изложить Вам некоторые для нас, калмыцких (или ойрат-монгольских) эмигрантов, важные обстоятельства. Я позволю почтительно просить Вас не отказать в Вашем просвещенном внимании к моим строкам.

В силу исторических обстоятельств, бывших принадлежностью русского народа и его государства, на голову моих братьев-калмыков (ойрат-монголов) в России в 1917-18 гг. свалилась страшная революция, которая уничтожила почти все материальное достояние нашего, калмыцкого, народа; как страшный разлив, снесла почти до основания все естественные национально-культурные основы культурного развития моих братьев. Мы, калмыки, боролись с большевиками, красной армией и

понесли страшное поражение. Мы потеряли *треть* нашего народа, населявшего по группам разные области и губернии России. Отдельные группы потеряли и больше (например, донские калмыки, к которым принадлежит пишущий настоящие строки. Эта группа калмыков потеряла 50 % своего личного состава).

За ничтожным исключением погибли *все* калмыцко-буддийские монастыри и, что самое главное, погибли драгоценные монастырские библиотеки. Особенно существенна гибель старых чисто *калмыцких* книг, рукописей. Это обстоятельство имеет для нас, калмыков, особенно печальное обстоятельство.

И вот почему. Уже до революции в нашем народе происходил значительный процесс *обрусения*, то есть, процесс *денационализации* нашего народа. Ввиду полного отсутствия национальных калмыцких школ оплотом против обрусительного влияния в нашем народе являлись только наши буддийские монастыри, где было известное количество хорошо знающих свой родной язык и литературу калмыков-монахов.

Начиная от 1907 г. у нас началось пробуждение национального самосознания и уже появились, правда в весьма скромных пределах, печатные и литографированные калмыцкие издания. Одновременно с этим ясно обозначилась в калмыцкой общественности мысль иметь свои настоящие калмыцкие школы, т.е. школы с калмыцким языком преподавания и обучения.

Калмыцкая литература, хранившаяся в монастырях преимущественно, была *основой* и *источником* начавшей пробуждаться *новой* калмыцкой литературы. Это национально-культурное явление в своем дальнейшем развитии, вероятно, положило бы *конец* или, по крайней мере, большое препятствие, процессу обрусения нашего народа, а вместе с этим толкнуло бы наш народ к подлинному национально-культурному его возрождению.

Но русская, большевистско-коммунистическая революция, заодно с уничтожением материального и культурного достояния нашего народа *разбила* и начавшееся калмыцкое национально-культурное пробуждение и вообще разметала наш народ в разные стороны. Разбитый стихией русской революции, наш народ принужден начать свое хозяйственное развитие при совершенно новых и тяжелых условиях своей жизни, а в частности, почти *заново* начать свое национально-культурное развитие.

Но русская революция принесла для нашего народа еще одно неблагоприятное обстоятельство: это — более интенсивный процесс *обрусения*. И это в условиях, когда более или менее опытные национальные

культурные деятели или убиты, или скитаются на чужбине, когда наше национально-культурное достояние почти целиком погибло в огне, пожарах, боях революции, когда всякое стремление к естественному своему национальному развитию современной русской властью рассматривается, как преступное, контрреволюционное, когда мы, калмыки, материально пришли почти к состоянию нищеты.

В этом сложном процессе особо трагическая судьба постигла наш родной, калмыцкий, язык (ойрат-монгольский) и возможность его литературного развития. Наша молодежь в СССР интенсивно руссифицируется, а молодежь на чужбине денационализируется не менее интенсивно.

Мы, старые калмыцкие общественные и культурные деятели, на все это смотрим с болью и горечью и, несмотря на нашу бедность, пытаемся кое-что делать в смысле национально-культурной работы и, в частности, в смысле *сохранения и развития своего родного языка*. Те книги, которые я Вам передал на память, составляют образчики той национально-культурной работы, которую мы ведем.

Лишенные в настоящее время *всяких средств*, мы почти *прекратили* эту работу. Но делать ее можем, главным образом, только мы, эмигранты, живущие в культурных и свободных условиях жизни Зап<адной> Европы, а не наши соплеменники в СССР, где нет условий нормальной человеческой и общественной жизни.

В частности, почти все свои силы на дело сохранения и развития своего родного языка и литературы посвятил я. В отношении нашего подрастающего поколения и братьев в СССР отсюда мы, конечно, ничего сделать не можем, но в отношении калмыцкой молодежи в эмиграции делать возможно и, как Вы видели, при материальной к тому возможности мы и делали.

Важнейшим делом в отношении калмыцких детей в эмиграции составляет *составление первоначальных учебников по обучению родному языку и письму*. К великому нашему сожалению, между нами нет, строго говоря, настоящего специалиста-педагога. Хотя я лично уже долгое время работаю на родном общественном и культурном поприще, но по своему образованию я юрист, а не педагог.

Но в последние годы, однако, я много работаю над изучением монгольского и калмыцкого языка и литературы.

Если бы дополнительно к этому мне представилась бы возможность хотя несколько месяцев систематически заняться под руководством б<ывшего> у меня краткое время в 1905 г. *проф. В.Л.Котвича*

(подчеркнуто в тексте — А.А.), б<ывшего> профессора С.Петербургск<ого> ун<иверситета> по фак<ультету> вост<очных> яз<ыко>в, то я совершенно уверен, что мог бы один или при указании проф.Котвича составить необходимые учебники.

Первоначальный учебник калмыцкого языка и письма — вот *насущный* предмет для калмыцкой эмигрантской детворы и массы, как необходимая основа дальнейшего познания и развития своего родного языка и национальной литературы.

Поэтому вот уже несколько лет я ищу материальной возможности отправиться в Польшу, где ныне профессором Львовского ун-та состоит проф. *Котвич*. Он — выдающийся знаток калмыцко-монгольской словесности и литературы.

Кроме составления вышеуказанного учебника, также необходимым является дать для пользования калмыкам и, в особенности, калмыцкой интеллигенции литературные источники калмыцкого языка. В условиях эмиграции найти или издать такие источники очень трудно. Ввиду невозможности иметь надлежащую связь с калмыками из СССР и тем более с Монголией, нам приходится искать указанные литературные источники в известных иностранных библиотеках. Таковыми, между прочим, являются королевская библиотека в Копенгагене, б<ывшая> королевская библиотека в Дрездене, Геттингене и Берлине. В частности, особенно много лет мое внимание привлекает Дрезден, где имеется прекрасный и основательный труд на калмыцком языке «Боди мор» — Даммапада — Путь к Истине. Это — труд основателя северного (желтого) буддизма *Зонкапа*.

Хотя я сторонник живой, современной литературы, но «Боди мор» и иные подобные труды на калм<ыцком> языке важны и ценны, как лексический источник. Несмотря на свой религиозный характер, старая калмыцкая литература (иной, строго говоря, и нет) *совершенно незаменима и в высокой степени ценна, как литературный источник калмыцкого языка и естественная база дальнейшего развития калмыцкой живой литературы*. Вот почему возможность пользоваться такими литературными источниками крайне важна для нас.

За отсутствием финансовых средств я лишен возможности отправиться в Дрезден, Геттинген и Берлин, чтобы *переписать* имеющиеся там калмыцкие труды.

Роль национальной литературы для национального развития и возрождения народов Вы знаете. Нет надобности это доказывать. Если бы мне было предоставлено отправиться на четыре месяца в Польшу к

проф. Котвичу и на два мес<яца> в Германию для вышеуказанных целей, то этим была бы оказана огромная услуга калмыцкому национально-культурному делу и нашему национальному делу вообще. Я позволю также высказать глубокое убеждение, что культурная деятельность монголов-калмыков в эмиграции не пройдет бесследно для всего монгольского мира.

Я не смею просить Вас помочь мне в вышеуказанных делах материально, но полагаю возможным покорно просить Ваше внимание и сочувствие к нашей жизни и деятельности и, в частности, к моим личным усилиям в отношении нашего родного языка и литературы. Ваше внимание и сочувствие будут для меня лично источником большой моральной бодрости. Я только с болью в душе думаю о крайней необходимости поработать под руководством проф. Котвича и переписать в Германии указанные выше калмыцкие труды и о финансовой невозможности осуществить эти задачи.

В свое время некоторые филантропы американцы и иные иностранцы приходили на помощь подобного рода деятельности. Я обращался к ИМКЕ (Союзу Христианской Молодежи) [83], но получил отказ ввиду нашего вероисповедания (нехристианского, буддийского).

Вы лично имели дело с монголами, знаете их и знаете, как им необходимо культурное развитие. Мне кажется, что здешние монголы, калмыки при известном национально-культурном развитии в недалеком будущем могут стать культуртрегерами среди монгольского мира на безбрежных степях, плоскогорьях, горах и лесах Азии.

Еще раз благодарю Вас за Ваше милое отношение ко мне. Был бы счастлив получить от Вас ответ. Я взял на себя смелость написать Вам, как к одному из просвещеннейших и отзывчивых людей современного общества, проникнутому симпатией к монгольским племенам, к одному из которых принадлежим и мы, калмыки-эмигранты.

Искренне чтящий и глубоко преданный Вам,

Бадма Уланов

Примечания

1. Штубендорф Оттон Эдуардович, фон (?-1918), ген.-майор, начальник военно-топографического отдела Главного Штаба, член военно-ученого комитета; руководил практическими занятиями цесаревича Николая Александровича по военной топографии. Почетный член РГО и Академии Наук. Автор специальных работ по военной топографии: Сферическая тригонометрия II курса Горного Института. СПб, 1866; Военный дальномер. СПб, 1871; Геодезия. СПб, 1879; Астрономические определения подполк. Б.Л.Громбчевского во время путешествия на Памиры, в

Дарваз, Раскем, Кашгарию и северный Тибет в 1889-90 гг. СПб, 1895 и др. Письма Штубендорфа к С.Гедину написаны по-немецки.

2. Речь идет о карте Джунгарского (ойратского) государства, составленной шведом Иоганном Густавом Ренатом. История этой карты довольно необычна. Ренат, «штык-юнкер» шведского королевского войска, был взят русскими в плен под Полтавой. Оказавшись в Подольске, он зимой 1715/1716 в составе транспортного отряда отправился на реку Иртыш, чтобы присоединиться к военной экспедиции подполковника Ивана Бухгольца. (По приказу Петра экспедиция должна была устроить крепость на Иртыше у Ямышева озера и затем двинуться к городу Эркети). Однако, по дороге отряд подвергся нападению калмыков и Ренат вторично попал в плен. Пленные были увезены калмыками в Семиречье и Восточный Туркестан, и таким образом Ренат попал в Джунгарию, являющуюся исторической родиной русских калмыков. Здесь он провел безвыездно целых 17 лет. Рассказывают, что Ренат оказал много услуг ойратам (калмыкам) — научил их плавить железную руду, отливать бомбы и даже завел у них типографию европейского образца. В благодарность он получил от ойратского князя Галдан-Цэрэна карту его владений, которую увез с собою в Швецию после освобождения из плена в 1733 г. Проездом через Петербург в 1734 г. Ренат показал эту карту русским ученым, и тогда же толмачем Василием Бакуниным была составлена латинская транскрипция калмыцких названий; впоследствии карта Рената была утеряна. Лишь в 1879 г. после тщательных разысканий в королевской библиотеке в Линчепинге удалось обнаружить ее шведскую копию, выполненную в 1738 г. Густавом Бенцельштерном. Отыскал ее помощник библиотекаря Стокгольмской королевской библиотеки, в будущем — известный романист и общественный деятель Швеции Август Стриндберг, который при активном посредничестве акад. Я.К.Грота, любезно предоставил эту копию России. В результате РГО в 1881 г. на ее основе и издало карту Рената. (См.: de Carte ole la Dzoungarie dressee par le Suedois Renat pendant sa captivite chez les Kalmouks de 1716-1733. Edition de la Societe Imperiale Russe de Geographie. St.Petersbourg, 1881). Любопытно, что за свою находку Стриндберг годом ранее получил от РГО награду — малую серебряную медаль.

О Ренате и его карте см. также: А.Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 гг. Записки ИРГО по общей географии. Т.ХI. С.105-145; Известия ИРГО. 1890. Т.ХХVI. С.90; 1891. Т.ХХVII. Сс.535; 574, 580-582 (отзыв А.Макшеева), 582-585 (отзыв А.Позднеева); Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и Азии. СПб, 1911. С.183; Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия ИРАИ. Серия VI. Т.ХIII. 1919. С.797 и сл.; Бартольд В.В. Сочинения. Т.IX. М., 1977. С.397; Baddeley J.F. Russia, Mongolia, China. Vol.I-II. London, 1919. — (P.C.L. XVI и др.); Krook Hans. Karolinen Johan Gustaf Renat och hans kartor. Ymer (Stockholm) 68 (1948), 284-292; Poppe N. Renat's Kalmuck Map // Imago Mundi, 12 (1955/1956), p.157-159; Bosson J. Some Early Swedish Contributions to China Border Area Studies. Taipei, 1985. P.1821-29.

Поводом для ответного письма Штубендорфа, по-видимому, послужили вопросы поставленные Гедином в своем письме к нему в связи с картой Рената. Этой

теме шведский исследователь посвятил специальную статью опубликованную в следующем году: Renats Karte uber den Lop-nor, Petermanns Mitteilungen, J.Perthes, Gotha, 1911 (1.Halbband).

3. Сведения об издании карты в России см. выше, прим.1; А.И.Макшеев — действ. член РГО.

4. По-видимому, имеется в виду капитальный труд С.Гедина о «Трансгималаях» см.: Hedin S. Transhimalaja. Entdeckungen und Abenteuer in Tibet. Leipzig, 1910. Bd.III.

5. Речь идет о книге С.Гедина «Трансгималаи» (Hedin S. Transhimalaja. Entdeckungen und Abenteuer in Tibet. Bd.I-II. Leipzig, 1910) рассказывающей о его 3-м, самом важном путешествии в Тибет в 1905-1908 гг.

6. Ср. у Шиллера в оригинале:

Beschäftigung, die nie ermattet,
Die Langsam schaft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn nur für Sandkorn reicht,
Doch von dem großen Schuld der Zeiten
Minute, Tage, Jahre streicht.

(Schillers Werke in 5 Bänden, Berlin — Weimer, 1976, Bd.1, S.95).

В русском переводе кн. Д.Н.Цертелева (1899) эти строки звучат так:

<...> Работа долгих, тихих лет,
Пусть медленно твоё движенье
Зато в нём разрушенья нет.
Хоть в вечном строе созиданья
Ты лишь песчинки принесешь,
Но в тяжком долге мирозданья
Минуты, дни, года сотрешь.

(См.: Собрание сочинений Шиллера под ред. С.А.Венгерова. Т.1. — Библиотека Великих Писателей. СПб, 1901. С.382).

7. Hedin S. Zu Land nach Indien durch Persien, Seistan, Belutschistan. Bd.I-II. Leipzig, 1910.

8. Достоевский Андрей Андреевич (1863-1939), секретарь РГО, 1903-1914, племянник великого писателя.

9. С.Гедин был избран действительным членом ИРГО в 1893 г. В архиве Гедина сохранилось письмо, отправленное ему по этому поводу из Пб-га П.П.Семеновым-Тянь-Шанским, вице-председателем Общества, датированное 12 февраля 1893 г.

10. Козлов П.К. Монголия и Кам. СПб, 1905-06.

11. Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии под начальством И.П.Роборовского (1893-1895). Ч.1-3. СПб, 1899-1901.

12. Записка о Монгольских кочевьях (Чжан-му и Хэ-ую-тао). Пер. с кит. П.С.Попова (Мян-гу-ю-му-чзи). СПб, 1895. П.С.Попов в 1890-е гг. был старшим драгоманом и ген. консулом в Пекине.

13. Куропаткин А.И. Кашгария. СПб, 1897.

14. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Записки ИРГО по отделению этнографии. Т.Х. Вып.1. СПб, 1882.

15. Карта Б.Л.Громбчевского была издана в Ташкенте в 1905 г. (Составлена при Туркестанском Военно-топографическом отделе).

16. Первое и второе издания этой книги вышли в С.-Петербурге в 1786 и 1794 гг., третье, дополненное сведениями из литературы того времени, в Казани в 1811 г. В наше время записки Ефремова издавались дважды: Филипп Ефремов. Десятилетнее странствие. М., 1950 (под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Э.М.Мурзаева); Странствование Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995 (подготовка текста, предисловие и примечания А.А.Вигасина). По словам Э.М.Мурзаева, «Филипп Ефремов был первым из европейцев, прошедших большой путь из Яркенда через Западный Тибет в Индию, через высочайшие перевалы Кара-корума».

17. История пленения Ф.Ефремова такова. Уроженец Вятки, сын секретаря тамошней Духовной Консистории С.Ф.Ефремова, он поступил в 13-летнем возрасте (1763) на воинскую службу. В 1774 г. служил сержантом в Нижегородском полку, в 1-ом пехотном батальоне в Оренбурге, когда был командирован для несения охраны на заставе Донгуз на одноименной реке (ныне станция Донгузская), составлявшей часть т.наз. «Илецкой защиты» — цепи укреплений по р.Яику (Уралу) — (сведения взяты из комментария А.А.Вигасина). Эта застава подверглась нападению мятежников (вероятно, пугачевцев, ибо описываемые события происходили во время Пугачевского бунта), и Ф.Ефремов был взят в плен. Однако, сразу же бежал вместе с двумя солдатами, но по дороге в Оренбург беглецы были захвачены большим отрядом киргизцев, которые увели их в свои улусы, а затем продали в Бухарию и Хиву. Ефремова купил бухарский хожа (ходжа) Гафур, который спустя месяц подарил его своему тестю Данна-беку, правителю Бухарии.

18. Согласно А.А.Вигасину раздел о Тибете не принадлежит Ф.Ефремову, а является буквальным переводом с немецкого статьи И.Ф.Гакмана — Hakman J.F. Nachrichten betreffend die Erdbeschreibung, Geschichte und naturliche Beschaffenheit von Tybet — Neue nordische Beytrage zur physikalischen und geographischen Erd — und Volkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd.IV. SPb.-Lpz., 1783. См.: Странствование Филиппа Ефремова. С.141-142.

19. Шведская копия карты Рената, выполненная Бенцельштерном, была найдена не доктором Дальгреном, а А.Стриндбергом, см. прим.2.

20. См. А.Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. Записки ИРГО по общей географии. Т.ХI. СПб, 1886. В своем исследовании Макшеев пишет: «К Тибету принадлежит и озеро Лар, Лобнор, из которого показана вытекающею на восток река Bolun Siv. Эти показания совершенно согласуются с мнением многих китайских географов, что Лобнор есть начало и источник Желтой реки, или Хуан-хэ» (с.134). При этом он делает ссылку на труд о.Иакинфа «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана» (СПб, 1829).

21. В наше время книга Р.Данибегова издавалась лишь однажды, см.: Путешествие Рафаила Данибегашвили (очерк, комментарии и библиография Л.И.Маруашвили. М., 1961).

22. Кобеко Дмитрий Фомич (1837-1918) — историк, директор Публичной библиотеки.

23. Речь идет о ген. консуле России в Кашгаре в 1890-е гг. (по 1904) Н.Ф.Петровском (?-1909).

24. См.: Филипп Ефремов. Десятилетнее странствование. М., 1950. С.37-38.

25. Приведенные цифры говорят как раз об обратном.

26. Речь идет о гр. Валериане Александровиче Зубове, брате последнего фаворита Екатерины II. Более подробно об истории публикации записок Хрисанфа см. предисловие С.Г.Карпока к «Объяснению Греческого Митрополита Хрисанфа Неопатрасского...» в кн.: Путешествие по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С.261-265.

27. Эта вторая рукопись, адресованная гр. Н.П.Румянцеву (1754-1826), была озаглавлена: «Пояснения на вопросы преосвященного Хрисанфа из путешествия его извлеченного». Опубликована вместе с «Объяснением» (1796) в кн.: Путешествие по Востоку... (см. пред. прим.).

28. XXV лет (1859-1884). Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб, 1884.

29. Штубендорф, по-видимому, имеет в виду кн. Голицына Г.С. (1838-1907), генерала от инфантерии, сенатора и члена Гос. совета. Кн. Голицын в 1896-1904 гг. был главнокомандующим гражданской частью на Кавказе, командующим войсками Кавказского военного округа.

30. Ухтомский Эспер Эсперович, кн. (1861-1921), ученый, дипломат, путешественник — исследователь ламаистского быта и искусства, редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» (с 1896), учредитель и председатель правления Русско-Китайского банка (1896), действительный член РГО. В 1891-92 гг. сопровождал цесаревича Николая Александровича в его путешествии по странам Востока. Автор книг: Философия Востока. СПб, 1878; От Калмыцкой степи до Бухары. СПб, 1891; Путешествие на Восток. Ч.1-3. СПб, 1893-97; К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку. СПб, 1900; Из области ламаизма. (К походу англичан на Тибет). СПб, 1904 и др. Цитируемые два письма Ухтомского к С.Гедину написаны по-немецки, на бланках редакции «С.-Петербургских ведомостей».

31. См.: Обзор собрания предметов ламаистского культа кн. Э.Э.Ухтомского, сост. проф. А.Грюнведем. Ч.1 (текст), ч.2 (рисунки). СПб, 1905; Леонов Г.А. Э.Э.Ухтомский. К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. С.101-115.

32. Сын Э.Э.Ухтомского — Дий Эсперович Ухтомский, с 1908 до своей смерти в 1918 г. работал в музее имп. Александра III (Русский музей). В 1910-1912 гг. был командирован музеем в Монголию для приобретения предметов буддийского культа.

33. Агван Лобсан Доржиев (1852/53-1938), бурятский лама, получил высшее богословское образование в Тибете; в начале 1890-х гг. становится фаворитом и главным советником Далай Ламы XIII. В 1905 г. вернулся в Россию, где фигуриро-

вал в качестве неофициального представителя Тибета. О нем см.: Берлин Л.Е. Хамбо Агван Доржиев (К борьбе Тибета за независимость) // Новый Восток. 1923. № 3; Заятуев Г.-Н. Цанид-Хамбо Агван Доржиев (1853-1938). Улан-Удэ, 1991; Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992; Snelling J. Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftsbury-Dorset, 1993.

34. См.: Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-дербетского База-Бакши. Калмыцкий текст, с переводом и примечаниями, составленными А.М.Позднеевым. СПб, 1897. База Бакши (светское имя Бадма Менкеджиев), 1846-1903, настоятель Дунду-хурула в Мало-дербетском улусе. В 1891-94 гг. совершил паломничество в Тибет.

35. О судьбе этой карты ничего не известно.

36. Строительство буддийского храма в Петербурге было начато весной 1909 и закончено в 1915 г. См.: Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992.

37. Козлов Петр Кузьмич (1863-1935), путешественник — исследователь Центральной Азии. Участник экспедиций Н.М.Пржевальского, М.В.Певцова, В.И.Роборовского. Самостоятельно осуществил 3 экспедиции — Монголо-Камскую (1899-1901), Монголо-Сычуаньскую (1907-1909) и Монголо-Тибетскую (1923-1926). Основные работы: Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1859-1901). СПб, 1905-1906; Тибет и Далай Лама. Пг, 1920; Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг, 1923; Путешествие в Монголию 1923-26 гг. Дневники, подготовленные к печати Е.В.Козловой. М., 1949; Русский путешественник в Центральной Азии: Избранные труды. М., 1963.

38. Речь идет о книге: Hedin S. Im Herzen von Asien. Zehntausend Kilometer auf unbekanntem Pfaden. Bd.I-2. Leipzig, 1903.

39. Козлов П.К. Монголия и Кам. Труды экспедиции РГО, совершенной в 1899-1901 гг. под руководством П.К.Козлова. Т.1, ч.1: По Монголии до границ Тибета. СПб, 1905; 2-ая часть — «Кам и обратный путь» опубликована в 1906 г.

40. Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершенной в 1893-1895 гг. под начальством В.И.Роборовского. Ч.II — Отчет помощника начальника экспедиции П.К.Козлова. СПб, 1899.

41. Hedin S. Trans-Himalaya. Discoveries and adventures in Tibet. Vol.1-2. London, 1909.

42. Книга П.К.Козлова о Хара-Хото была опубликована лишь 10 лет спустя: П.К.Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг, 1923.

43. Обручев Владимир Афанасьевич (1863-1956), геолог и географ, действ. член Академии наук СССР (1929), исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии. Автор научно-популярных книг: «Плутония» (1924), «Земля Санникова» (1926) и др. Письма Гедину написаны на немецком языке.

44. Hedin S. Central Asia and Tibet. Towards the holy city of Lhasa. Vol.I-2. London, 1903.

45. Альберт Брокгауз — немецкий издатель и друг С.Гедина.

46. В 1901 г. в Томске открылось горное отделение в учрежденном там годом ранее Технологическом Институте, первое в Сибири высшее горное учебное заведение.

По рекомендации профессора И.В.Мушкетова профессором и деканом этого отделения был назначен В.А.Обручев.

47. Речь идет о книге: Обручев В.А. Пограничная Джунгария. Т.1-2. Путевые дневники. Томск, 1912-1914. Т.3. Вып.1. Обзор литературы. Орографические и гидрографические очерки. М., 1940.

48. Hedin S. Transhimalaja. Entdeckungen und Abenteuer in Tibet. F.A.B. Leipzig, 1909. Band 1-2 ; 1912. Band 3.

49. Имеется в виду П.П.Семенов-Тянь-Шанский (1827-1914), вице-председатель и глава РГО.

50. См.: Обручев В.А. Кучевые пески как особый тип песчаных скоплений // Сборник в честь 70-летия проф. Д.Н.Анучина. М., 1913. С.1-24.

51. Летом 1918 г. Обручев поступил на службу в Высший Совет Народного Хозяйства и был отправлен в район Донецкого бассейна для геологоразведочных работ. Из-за начавшейся гражданской войны он оказался отрезанным от Москвы и был вынужден уехать в Симферополь. Там в течение 2-х лет Обручев занимался педагогической работой в Таврическом университете, где организовал геологический кабинет, читал лекции по общей и исторической геологии. Весной 1922 г. вернулся в Москву, где до 1929 г. преподавал в Горной Академии.

52. Фердинанд Пауль Вильгельм Рихтгофен (1833-1905), немецкий географ и геолог; Бела Сечени (1837-1918) и Альберт Тафель (1877-1935), соответственно венгерский и немецкий путешественники и исследователи Центральной Азии; Рафаэль Пампелли (1837-1923), американский геолог, исследователь пустыни Гоби; Бейли Виллис (1857-1949), американский геолог.

53. Речь, по-видимому, идет об Обручеве Сергее Владимировиче (1891-1965).

54. Возможно, имеется в виду труд Мерцбахера: G.Merzbacher. Die Gebirgsgruppe Bogdo-Ola im ostlichen Tian Schan: Aus den wiss. Ergebnissen der Merzbacherschen Tian-Schan Expeditionen. Munchen, 1916.

55. Leuchs K. Zentralasien, Handbuch der regionalen Geologie. Bd. 5. Abt. 7. Heidelberg, 1916.

56. Hedin S. Southern Tibet, Discoveries in former times compared with my own researches in 1906-1908. Stockholm, 1916-1922 (9 vols.).

57. Tafel A. Meine Tibetreise. Eine studenfahrt durch das nordwestliche China und durch die Innere Mongolei in das ostliche Tibet. Bd.1-2. Berlin, Stuttgart, 1914.

58. «Prosit Neujahr» — традиционный немецкий новогодний застольный тост.

59. Hedin S. Early European knowledge of Tibet, Geografiska Annaler. Stockholm, 1919. P.290-339.

60. Friedrichsen Max. Forschungsreise in den zentralen Tien-Schan und dsungarischen Ala-tau im Sommer 1902. Hamburg, 1904.

61. Летом 1902-1904 гг. известный ботаник и географ В.В.Сапожников (1861-1924) совершил две экспедиции в Семиреченский край. В первой из них, по рекомендации Обручева, участвовал немецкий геолог Макс Фридрихсен, см.: Обручев В.А. Очерки Семиречья. Ч.1-2. Томск, 1905-1906.

62. Обручев, по-видимому, имеет в виду русский перевод книги — Д.Каррутерс. Неведомая Монголия. Т.1. Урянхайский край. Пг, 1914.

63. Козлов П. Тибет и Далай Лама. Пг, 1920.
64. Обручев ошибается — Козлов встречался с Далай Ламой в Урге летом 1905 г.
65. Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг, 1919.
66. Речь, по-видимому, идет об очерке Обручева: *Das Tor nach China. Geographische und Geologische Skizze des Grenz Gebietes der Dsungarei*, опубликованном в немецком журнале — *Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin*. 1922. № 8-10; S.241-265.
67. Возможно, это был известный ученый-химик Владимир Вильгельмович Вормс (1868-1941).
68. Речь идет о последней Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова, состоявшейся в 1923-1926 гг.
69. Экспедиция Козлова была снаряжена еще в 1914 г., однако, она не состоялась из-за начавшейся войны.
70. Котвич Владислав Людвигович (1872-1944), русский и польский востоковед-монголист, член РАН (1923), действ. член Польской Академии Знаний, председатель польского востоковедческого общества. В 1920-22 гг. первый директор Петроградского Института Живых Восточных Языков (ПИЖВЯ). В 1923 г. репатрировался в Польшу. В 1923-40 гг. профессор кафедры восточных языков Львовского Университета. Письмо Котвича к С.Гедину написано по-английски.
71. Бальмонт Константин Дмитриевич (1867-1942), русский поэт-символист. С 1920 г. в эмиграции во Франции.
72. Сванте Август Аррениус (1859-1927), шведский физико-химик, с 1905 г. директор Нобелевского института. Речь идет о его книге «*Valdarnas utveckling*» (Мировое развитие), опубликованной в Стокгольме в 1906 г.
73. Бальмонт К. Светлый час. М., 1922. О сборнике стихов «*Quelques Poemes*» не удалось найти каких-либо сведений.
74. Рерих Юрий Николаевич (1902-1960), сын Николая Константиновича Рериха, востоковед, исследователь Центральной Азии. Основные труды: *The Animal Style Among the Nomad Tribes of Northern Tibet*. Prague, 1930; *Trails to Inmost Asia. Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition*. London, 1931 (по-русски: *По тропам Срединной Азии*. Хабаровск, 1982; Самара, 1994); *The Blue Annals*. Calcutta, 1949; *Тибетский язык*. М., 1961; *Избранные труды* (сост. Е.С.Семека и А.М.Пятигорский). М., 1967. Письмо Рериха к Гедину написано на немецком языке.
75. С.Гедину был послан первый номер журнала: *Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum*. Vol.I. New York, 1931.
76. Свену Гедину был посвящен 3-й том журнала: *Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum*. Vol.III. Calcutta, 1933.
77. Об этом труде Ю.Н. не имеется никаких сведений.
78. *Roerich G. Trails to Inmost Asia. Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition, with a preface by Louis Marin*. London, 1931.
79. Уланов Бадма Наранович (1886-1969), калмык по происхождению, сын Нарана Эрэндиновича Уланова, посланного с секретной миссией в Тибет в 1904 г. и

умершего во время экспедиции. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета (1909). В годы революции — член Донского казачьего правительства (Большого Войскового круга в г.Новочеркасске), с 1920 года — в эмиграции, Председатель Союза возрождения казачества в Чехословакии (в Праге) в 1920-1930-е годы. Со С.Гедином, по-видимому, познакомился осенью 1935 г. во время посещения последним Праги, в ходе своего большого лекционного турне по Европе.

80. Hedin S. Transhimalaja. Entdeckungen und Abenteuer in Tibet. FAB; Leipzig, 1909. Band 1-2 ; 1912. Band 3.

81. Гедин С. В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан. Т.1-2. СПб, 1899; S.Hedin. Durch Asiens Wusten. Drei Jahre auf neuen Wegen in Pamir, Lop-nor, Tibet und China. FAB; Leipzig, 1899. Band 1-2.

82. Остин Уоддель. Лхаса и ее тайны. Очерк тибетской экспедиции 1903-1904. СПб, 1906.

83. ИМКА (YMCA) — Young Men's Christian Association.